

АЛЕКСАНДР ЛОГАЧЕВ
ГРЕГОРИ ИНЧЕС

КОЛУМБИЙСКАЯ БАЛАЛАЙКА

ЗОЛОТОЙ ФОНД
ИЗДАТЕЛЬСТВА

КРЫЛОВ

**Грегори Инчес
Александр Логачев
Колумбийская балалайка**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3953795
Колумбийская балалайка.: Крылов; Санкт-Петербург; 2003
ISBN 5-94371-334-4*

Аннотация

Их шестеро, шестеро соотечественников, по разным причинам оказавшихся в Южной Америке: новый русский с переводчицей из Питера, отставший от корабля моряк из Мурманска, стриптизерша из Свердловска, юный ученый из Москвы и ветеран войны из Торонто. Кроме Родины у них не было ничего общего – но только до тех пор пока колумбийская наркомафия не объявила охоту на горстку иностранцев. Оснащенным по последнему слову военной техники боевикам наркобарона нужен лишь один из них, а остальных они просто хотят убрать как лишних свидетелей...

Но мафиози не учли одного: они имеют дело с русскими, а русский человек всегда готов достойно ответить на вызов противника – даже посреди колумбийских джунглей, без оружия, пропитания и связи.

Внимание, наркокороли: русские идут!

Содержание

Пролог	4
Терция первая	8
Аккорд первый	8
Аккорд второй	16
Аккорд третий	28
Аккорд четвертый	35
Аккорд пятый	44
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Александр Логачев, Грегори Инчес

Колумбийская балалайка

Пролог

– Принес?

– Ну, принес. Вот она. – Лопес осторожно, словно ребенка или мину, опустил на легкий столик террасы маленький чемоданчик, похожий на “ноутбук”. Потом уселся напротив Диего, достал окурочек сигары из нагрудного кармана, сунул в рот. Поежился от утренней прохлады, обняв себя за плечи. – Бр-р-р... Что за беготня, Диего? Кому понадобилась эта игрушка, да еще в такую рань?

– Маэстро понадобилась. – Диего Марсиа, тоже в камуфляжной форме, выглядел бодрым, словно спать и не ложился. Хотя кто его разберет – может, и вправду не ложился. – И застегни куртку, Лопес.

– Маэстро? Дела-а... – Лопес зевнул и закурил сигару, щелкнув серебристой бензиновой зажигалкой, после чего с показной неторопливостью застегнул две верхние пуговицы камуфляжной куртки с закатанными до локтей рукавами.

Небо над Андами уже серело, возвещая о скором наступлении нового дня.

– Ты еще больше удивишься, когда узнаешь, что нам разрешили использовать оба изделия, – сообщил Диего. – Если промажем с первой попытки.

– Ого! – Лопес потер костяшками пальцев глаза, прогоняя остатки сна, и с уважением посмотрел на чемоданчик. – Что, настолько серьезно?

– Очень на то похоже. Я и сам до конца не знаю. Известно только, что цель морская. Какой-то корабль.

Диего придвинулся к столу вместе со стулом, едва ли не с нежностью огладил металлическую окантовку створок чемоданчика и выставил на кодовом замке набор из пяти цифр. Раздался щелчок.

– До сих пор код помнишь? – Лопес, с интересом наблюдая за его манипуляциями, выпустил вверх струйку дыма. – Или заглянул в сейф, в бумаги?

Дым обнял горящую над столом стоваттную лампочку в металлической оплетке и распугал кружащую вокруг нее мошкарку.

– Представь себе, помню. Хотя год к этой штуковине не притрагивался. С тех пор как получили и изучили. – Диего раскрыл чемоданчик. Изнутри он тоже походил на “ноутбук”. Только клавиатура отличалась, да экран располагался в левом верхнем углу на той же, что и клавиши, панели и уступал размером “ноутбуксовскому” – был где-то с карманного формата книжицу. – А у тебя что, все вылетело из головы?

– Э! – Лопес прихлопнул на шее москита и вытер ладонь о край столешницы. Еще раз зевнул. – Ты же знаешь, у меня на цифры всегда была плохая память. С остальным, кроме цифр, вроде порядок... Да там управление не сложнее, чем в компьютерной игре. Даже Нуньес справится.

– Ну и отлично. Нуньес останется на кухне, а ехать придется тебе. Скорее всего, тебе. Потому что Маэстро, – Диего показал на спутниковый телефон “Моторолла”, лежащий на столе рядом с открытым чемоданчиком, – может, еще и переиграет. Но пока так: я остаюсь, ты едешь на берег. И очень скоро.

– Я? Значит, и стрелять я?... Дьявольщина! – Лопес щелчком выбросил окурочек в темноту за террасой. Красный огонек прочертил в воздухе дугу и рассыпался на искорки. Диего Марсиа поморщился: он не любил беспорядок на территории лагеря. Но промолчал. А Лопес

сделал вид, что не заметил его недовольства. – И охота поработать с таким чудом, и страшно-вато. Уж больно дорогая игрушка. Это тебе не из автомата садить. Сотней патронов больше, сотней меньше – кто их считает, кто за них спросит... А такая дрянь, как этот “Бискай”, тянет, наверное, не на один “феррари”. За кем охотимся, Диего? За Биллом Гейтсом?

– Узнаешь, все узнаешь. Сейчас позвонит Маэстро, и я сам до конца со всем разберусь... О!

Телефон мелодично запиликал.

– Маэстро, как Господь, слышит нас. – Диего взял трубку. – Третий звонок за полчаса. – Нажал кнопку соединения. – Да, слушаю вас, дон Мигель. – Помолчал. Потом ото-звался: – Передо мной. Да, да, готово. Грузовик ждет, ребята на месте. “Бискай” погружен. Да, конечно, обе. Да. Помню. Буэно, набираю.

Далеко в лесу, на пределе слышимости, завыл какой-то ночной зверь. Должно быть, ничего не поймал за ночь и ругался на быстро разгорающийся день. Утренний туман лениво сползал с гор, путаясь в кронах деревьев.

База, размещенная в небольшой долинке посреди гор и со всех сторон окруженная лесом, была погружена во мрак. Свет горел только на террасе офицерского коттеджа, где сидели Диего и Лопес, да в окошке караульной по другую сторону посадочной площадки мерцал желтоватый огонек – ночная стража наверняка режется в карты. Луна пряталась за легкими облачками. Возле невидимого в темноте гаража фырчал мотор грузовика – бойцы терпеливо ждали отправки.

Диего пробежался пальцами по клавишам. Зажегся экран. Еще несколько нажатий – и на нем появился силуэт судна, примитивный синий контур. Словно маринист сделал первый набросок будущей картины.

– Работает старушка, – доложил Диего в микрофон спутникового. – Готов вводить.

– Тогда вводи, – приказал напряженный голос в трубке. – Так, так... Морской турист-ский катер типа “Эксплоратор”. Имя на борту – “Виктория”. Построен на верфи... ну, неважно. В общем, старая калоша... Ага, вот. Набирай. Длины: наибольшая – восемнадцать и двадцать пять сотых метра, по ватерлинии – шестнадцать и семьдесят пять сотых. Ввел? Ширина – три и восемь десятых метра. Осадка – метр пятнадцать. Высота борта – два и восемь. Водоизмещение – четырнадцать и восемь кубов. Что там у тебя?

– Все о’кей, дон Мигель, толковая машинка, – похвалил Диего компьютер, который после нажатия “ввод” быстро обозначил ватерлинию, сделал разметку, а также вывел на экран вдобавок к имеющейся проекцию “вид сверху”.

– Тогда дальше. Так... Погоди... – В трубке зашуршало. – Эти чертовы чертежи мне только сейчас принесли, разбираюсь на ходу...

– Быстро сработали. – Марсиа позволил себе заполнить возникшую паузу.

Лопес задумчиво смотрел на лампу, вокруг которой снова начала свой танец ночная мошкара, и насвистывал что-то себе под нос. К разговору он особо не прислушивался – все равно слышны были только реплики Диего. Впрочем, и из них становилось ясно, что Маэстро настроен весьма решительно.

– Когда нужно, Падре умеет просить так, что заминок не возникает, – с ноткой назидательности прозвучало в трубке. – Я же говорил, что это дело первостепенной важности. Слушай дальше. Нас интересует машинное отделение... Ага, вот оно. Значит, отступи по ватерлинии слева семь восемьдесят. Метров, конечно. Справа... так... Шесть ноль пять справа. Участок посередине между отметками – машинное отделение. Выдели его. К сведению, расположено под рубкой. Его длина всего два девяносто. От ватерлинии на выделенном участке отступай полметра ровно. Ну, ввел? Отлично. Образованный прямоугольник – это зона поражения. Только она! Ясно? Проманхнуться нельзя ни в коем случае. Исключается любой риск для пассажиров этой лоханки.

– Ну, это вопрос к “Бискаю”, а не ко мне. Я только ввожу целеуказание... Дон Мигель, компьютер спрашивает, из какого материала изготовлен корпус цели.

Прервав посвист, Лопес посмотрел на часы. Половина седьмого. Через полчаса подъем. А ведь еще целых тридцать минут он мог нежиться на своей койке. И что Маэстро не спится? Он вздохнул и закурил новую сигару. Плохо вот – побриться не успел, щетина колется и неприятно шуршит о воротник.

– Так, так... Корпус из легкого металла, – говорил тем временем абонент Диего Марсиа. – Стоят два дизеля “Перкинс” мощностью по триста лошадей. Что еще?

– Вроде все. Надеюсь, достаточно, чтоб потопить этот “Титаник”. Если “Бискай” действительно так хорош, как его расписывали.

– Диего, – возвала к вниманию трубка, – заряд кумулятивный, минимальной мощности. Только чтобы лоханка остановилась, в крайнем случае – затонула. Разносить ее в клочья нам ни к чему. Даже опасно. Никто из пассажиров пострадать не должен. Это приказ. Действуй, как договаривались. Катер пройдет мимо вас часа через три – три с половиной... если не изменит курс. Так что времени подготовиться достаточно.

– А если изменит?

– Тогда отбой. Пусть Лопес возвращается в лагерь и ждет дальнейших указаний. Где он?

– Рядом. Хотите поговорить?

– Нет. Пусть не задерживается. Навел ракету – выстрелил – подобрал пассажиров – вернулся с ними в лагерь. Все, дальше ждете меня.

– Понял, босс. – Диего отключил спутниковый телефон, положил трубку на стол и поднял глаза на Лопеса. – Что ты там насвистывал?

Выпустив причудливое кольцо сигарного дыма, Лопес ответил:

– Топить такую посудину “Бискаем” – все равно что бить мух из “Стингера”.

– Ты не понял, – глядя на экран, спокойно ответил Диего. – Катер не обязательно топить. Его надо остановить – но так, чтобы с голов пассажиров ни один волос не упал. Потому и выбрали “Бискай”.

– Пассажиров не трогать – а катер “Бискаем” останавливать? Ну ничего себе!.. Кто на нем плавает, Фидель Кастро или Марадона?

Диего закончил ввод данных цели, откинулся на спинку и улыбнулся:

– Ты не поверишь. Какие-то русские. Теперь слушай, что ты должен будешь сделать...

...Изделие шло красиво. Оно напоминало барракуду – длиной и хищной устремленностью к цели. Но было несколько потолще “морской шуки”, в поперечном разрезе идеально круглое, напигованное электроникой. Может, и следовало назвать его “Барракуда”. Но создатели решили по-другому, дав ему имя “Бискай”.

Оно неслось по безукоризненной прямой в трехстах миллиметрах от поверхности воды, над зеленовато-прозрачными прибрежными волнами, едва не задевая беспенные гребни матовым брюхом. И “морская шука” могла бы позавидовать его скорости.

Зато изделие было начисто лишено самостоятельности, полностью подчинено чужой воле. Сейчас судьба “Бискай” находилась в руках человека, сжимающего в зубах потухшую сигару. Палец этого человека завис над кнопкой со стрелкой, направленной вниз, глаза сквозь стекла солнцезащитных очков-“капелек” следили за маленьким экраном в левом верхнем углу портативного пульта управления. На электронном контуре корабля под отмеченной пунктиром ватерлинией пульсировал синий крестик. В верхней части экрана изменялись цифры, показывающие, сколько метров осталось до цели. Встроенный в “Бискай” радиолокатор вымерял это расстояние с точностью до миллиметра. Мельтешение на дисплее не

интересовало человека. Его взгляд был направлен чуть левее и, когда дистанция до цели сократилась до двадцати метров, нажал кнопку со стрелкой, смотрящей вниз.

Синхронизированный с пультом управления бортовой компьютер “Биская” продублировал команду. Электронная начинка приборного отсека пропустила ее через себя, переходя на новый режим и приводя в движение механическую часть изделия.

Дорогая и опасная “сигара” снизилась, вошла в толщу воды и опустилась на пятьдесят сантиметров. Начавшее полет как ракета, изделие теперь продолжило движение в воде, как торпеда. Головной обтекатель и стабилизаторы рассекали теперь не воздух, а воду и медуз. До поражения объекта оставались сотые доли секунды.

Терция первая Пики

Аккорд первый Дым над водой

Владимир Михношин

Спасибо, что я к тому времени вообще проснулся. Хотя “проснулся” тут не подходит – очухался. Откупорил глаза, выплывая из мрака.

Ну конечно! Опять... Любимая формула подъема. В голове гудеж и полные непонятки: где я, чего я, что вчера было и где мой багаж. Было оно, так-растак вашу, видать, неплохо. Лежу бревном, а раскачивает, как этого... как дерьмо на гибкой палочке. Начинаю потихоньку разворачивать башню, шевелить корпусом, включаю локаторы ушей – короче, приступаю к познанию мира, как только вылупившийся младенец. И что ж я узнаю? Что я в каюте, что в иллюминаторе волнуется море, что эта лоханка куда-то плывет, где-то гудит мотор, что подо мной еще чья-то койка, что кругом разбросаны вещи – и все не мои, что нигде нет ни капли H_2O . Более серьезные соединения (типа C_2H_5OH) меня сейчас не влекут. Даже пиво, уж я себя знаю, замучаешься заливать в баки – все будет выплевывать измученный организм. А с чего он такой измученный, кстати? Опять, видать, мешал. Или просто перебрал? Ладно, время воспоминаний еще придет. Сейчас – на палубу, под ветер, и пить воду. Холодную, безалкогольную воду.

Каким сполз с верхней полки – кроссовки, шорты, футболка – таким и выполз из каюты. Растянулся в коридоре, хорошо – на клевом коврике, не убился. Идти можно было вперед, и никуда больше. Туда я и пошел. Мимо каких-то пижонских дверей, отвратно блестящих ручек, до лесенки и по ней... ну, по трапу, по трапу... наверх, на запах свежего воздуха.

Под ветром и брызгами чуть отпустило. Теперь можно было и вслушаться в монологи образовавшегося рядом раскормленного типа. Знакомая морда... Да вон еще парочка, и тоже вроде видел их когда-то... Все вспомню, мне бы только залить трубы холодной водой, потом вылить на себя ведро-другое, заглотить лимончик, высосать чашку чая с сахаром, после царапнуть по пивку калибра ноль тридцать три – и готово. Задвигаются приводные ремни соображения, застучат клапаны памяти – короче, машина тогда покатится под горку.

А, мордатый как раз и сватает мне пивко. Говорит по-русски, харя тоже русская – это радует. Очень уж в лом объяснять каким-нибудь неврубающимся туземцам тонкости своего состояния и что тебе в сей момент позарез нужно.

– Брат, – вырывается из меня хрип (таким говорят комические урки в наших фильмах), – воды хочу, холодной. Согласен на дистиллированную.

Он мне: иди туда-то и туда-то. Не, отвечаю, сам не дойду, собьюсь с верного пути. Он ржет, как лошадюга, хлопает меня по спине, идиот, от чего тянет блевануть – и не просто так, а ему на трусы с пальмами и корабликами.

Наконец повел за собой. И все что-то говорит, размахивая рукой с банкой джин-тоника. Сознание, как мух на лету, ловит отдельные словечки: вчера, молодец, текила, водка с кальвадосом, пиво в бассейне. Его тоже, видать, заносит после вчерашнего. Какое может быть пиво в бассейне, где такие бассейны водятся?

Кстати, я разобрался, на какой посудине меня катают. На катере, вот, на очень большом и навороченном. Но не на торпедном. Это я не для смеха говорю. Очухайся я на торпедном, тоже не удивился бы. Ничего, скоро все прояснится. Чувствую, разгадка близка.

Мы протиснулись куда-то и натолкнулись, как на айсберг, на холодильник. Мой приятель протянул к чуду техники руку, ко мне повернул лыбящуюся физиономию, что-то проговорил. Наверное, представлял нас с холодильником друг другу, не иначе, потому что сразу и оставил нас наедине.

– Я тебя люблю, холодильник, – воскликнул я, когда распахнул дверцу и меня обнял морозец, а с нижних полок предложили себя доступные, запотевшие бутылки “кока-колы”.

Посекундно легчало. Я сидел на полу, прижавшись спиной к холодным полкам, употреблял уже вторую бутылку “колы” и грыз шоколадку. Жизнь возвращалась.

Вот на этом месте мой интим с холодильником обломали. К нам впорхнула деваха, и притом симпатичная. Притом в таком невесомом платьишке, что будь я в форме... Ничего, скоро буду, ждите...

– Миши нет? – спросила она после того, как оглядела все округ и убедилась, что в этой кандейке я единственный.

Ох, как бы я сострил, будь на коне, а не под конем. А так...

– Миши? – переспрашиваю. – Какого Миши?

И нет девочки, упорхнула. А может, и не было? Впрочем, была, и до этого я ее тоже как-то видел. А может, не просто видел? Ну, погодите у меня, еще чуть-чуть, и я вас всех вспомню. Все вы у меня припомнитесь. Уже восстанавливаетесь. Правда, кусками, обрывками, но скоро они сложатся в ленту с кадриками, и я пойму, с кем и куда плыву. И зачем, главное, – я ведь не на катере должен быть, а на... на... блин, где ж я быть-то должен...

Захватив пластиковую поллитровку “спрайта”, я пошел искать палубу. Ведро, веревка, забортная вода – вот что поможет мне окатиться. Потом покурю, вылакаю “спрайт”, поговорю с людьми, попью пивка (не больше банки, хватит, надо ограничивать) и во всем разберусь.

Таков план.

Из него осуществилась только палуба. Выбрался по знакомому трапу наружу, вздохнул глубоко, углядел берег в виде леса метрах в пятистах от нас (деревья знакомые, не нашенские, стало быть, мы по-прежнему в Южной Америке), увидел на корме мужика и бабу в шезлонгах, пошел к ним стрельнуть папироску...

Вот тут как раз и вжарило.

Где-то под ногами грохотнуло, меня словно подняли за ручки и – о-па! – подкинули. Дернулись катер, море и палубные доски, помчались куда-то, краем глаза зацепил прыгнувшую береговую зелень – и я животом врезаюсь в ограждение катера. И тут же вспоминаю, как оно правильно называется. Фальшборт, так его разэдак. Спасибо детским книжкам, лично Стивенсону и Джеку Лондону. Бутылка “спрайта” вырывается из моих рук, точно жизнелюбивая рыбешка, и бросается в волны. Как я не последовал тогда за “спрайтушкой” – ума не приложу. Впрочем, скоро выяснится, что это лишь временная отсрочка. А пока я повис на фальшборте, и мне было плохо. Из меня полились в открытое море “спрайт” и “кока-кола”. Очень своевременно, разве не так?

А с нашим пароходом и впрямь случилось что-то неладное. Его перекосило, откуда-то повалил вряд ли технологически предусмотренный дым, вокруг завопили и завизжали мои товарищи по этому бреду. Я вцепился в перила, чтобы крены и толчки не увлекли куда-нибудь, куда я совсем не захочу. Над палубой пролетел и плюхнулся в воду ярко-оранжевый тюк. Кто-то из сопалубников “ласточкой” сиганул в пучину. Кто-то выскакивал по знакомому трапу наружу, и даже с вещичками, а – ты смотри – кто-то внутрь. Мать моя женщина, подумалось, куда я попал?

Мордатый в трусах с пальмами ломанулся вниз – забыл, видать, чего-то. Штаны, может. А мне есть что спасать, кроме себя, любимого? Тогда чего ж я жду? Посудина явно тонет, во, водичка все ближе и ближе. Пора?

Я приподнялся и оглядел просторы. Берег недалече. Не знаю, как там в милях и кабельтовых, а по-русски говоря, метров пятьсот. Вода, конечно, теплая. Ну, это еще хорошо мы тонем.

В море уже покачивался оранжевый спасательный плот, человек на десять пассажи-роизмещением, на нем грудились вещи. Кто-то из попрыгавших людей забрался на плот к вещам, кто-то плавал вокруг. Ну, пора мне или не пора?

И тут я совершил подвиг. Вернее, мной его совершили. Неведомые могущественные силы. Они повлекли меня в подпалубные помещения. Да-да, в те, откуда валил дым. У трапа внизу я столкнулся с мордатым, услышал от него “мудила”, вырвался из его захвата и продолжил подвиг. Силы протащили меня сквозь едкую завесу до холодильника, заставили нащупать в нем на верхней полке упаковку пива, замеченную во время употребления лимонада, и спасти ее.

Я был быстр и ловок и потому не задохнулся. Выскочил на палубу со спасенным пивом.

И тут сзади бабахнуло. Потом очевидцы рассказывали про столб огня, а я могу рассказать только про славный подброс вверх сродни могучему пинку. Про полет и приводнение живым и невредимым. И даже не уронившим пива, чести и достоинства.

Я зашвырнул упаковку на плотик. Зашвыривая, подумал, захватил ли кто-нибудь сигареты. (Овладела тревога: вдруг никто?) Ну, теперь уже ничего не поделаешь. Руку дайте, ироды, потону же. Или акулы закусуют. А вода была действительно теплая. Вот только пересоленная. Да уж, это не родненькое Черное море. Океан, однако, едрить его...

На десятиместном плотике оказались лишние места. Семеро счастливчиков, включая меня, спасшихся после кораблекрушения, дрожали, рассевшись на натянутых между бортами резиновых лентах, которые, очевидно, исполняли роль лавок. (Как это по-морскому? Банки, во как.) Дрожали, обсыхали и ошарашенно озирали морские просторы. А вот интересно, сколько ж нас всего было на катере, царство ему небесное? Не помню. А вдруг погиб кто?..

Все, с меня лично хватит. Вот выберусь на берег, хлопну пивка, грохнусь спать и проснусь уже на какой-нибудь более подходящей койке...

Однако выбраться на берег нам не дали.

2003 г., 09.19 утра. Температура воздуха + 27 °C, температура воды в береговой зоне + 25 °C, ветер умеренный, до 7 м/с. Территориальные воды Республики Колумбии, примерно 50 км от границы с Республикой Панамой.

Точка на карте и дата в календаре ничем примечательным не отмечены, хотя именно здесь и именно в это время затонул дизельный катер “Виктория”. Десять минут назад воздух еще наполнился испуганными криками, треском горящей надстройки, глухими разрывами где-то во внутренностях тонущего судна, океанская гладь кипела вокруг него, короткие пластиковые весла спасающихся в оранжевой надувной лодке вспенивали мутную зеленую воду, насквозь простреливаемую солнечными лучами. Сизый, словно от исполинской сигары, низко стелющийся дым лизал соленый Тихий океан.

Люди перестали грести.

“Виктория” встала по-титаниковски вертикально, бесстыдно обнажив оба винта и пошкрябанное бордовое брюхо, и задрала корму к безоблачному, почти белому небу, едва тронутому голубизной. С днища текло ручьем. Потом во внутренностях катера шваркнуло как-то по-особенному гадко, и сцену кораблекрушения заволокло непроглядным черным дымом. “Виктория”, тяжело вздохнув, начала заваливаться на правый борт и вдруг стремительно провалилась под воду, как под лед, – точно ее кто-то дернул за нос.

На том месте, где несколько минут назад сиял высокими бортами прогулочный катер, с утробным урчанием вспух сноп белых пузырей, вытолкнул на свет божий несколько никчемных обломков, исчез, и – все стихло. Дым медленно струился над водой, таял, растворялся в солнечном сиянии. Неподалеку, метрах в пятистах, слышится монотонный шорох наползающих на песчаный берег волн; лодка вяло покачивается; под днищем раздаются тихие бульки. Солнечные блики скользят по воде, играют на смурных лицах семерых уцелевших.

Словно и не было никогда бодро бороздящего океанский простор катера под гордым именем “Виктория”.

– Ой, блин... ой, блин... ой, блин... – тупо повторял Мишаня, обхватив волосатыми ручищами свою коротко стриженную головенку и раскачиваясь на банке. Его переживаниям больше бы подошли черные траурные одежды, а уж никак не игривые трусы с пальмами и кораблями и курортная фиолетовая маечка с плейбоевским кроликом.

Владимир, последним забравшийся в лодку, малость очухался за время вынужденного купания и теперь зачем-то пытался стащить с ног промокшие кроссовки. Не получилось: руки дрожали, как перепуганные зайцы. Тогда он покосился на две упаковки с пивом у себя под ногами, решил с этим делом повременить, сдул со лба прядь волос, с которых капало, и пробормотал, неизвестно к кому обращаясь:

– Дурак ты, боцман, и шулки у тебя... Народ, а че это было?

– Хотелось бы понять, – тихо то ли ответил на вопрос, то ли произнес вслух то, о чем подумал, старик в коричневых вельветовых брюках и серой рубашке с короткими рукавами. Он неторопливо, демонстративно спокойно стащил с головы кепку и выжал ее за борт.

Последив за его действиями, растрепанная рыжеволосая женщина на корме, очевидно только что выйдя из ступора, вдруг начала подвывать в тон Михаилу. Видно было, что еще немного – и ее прорвет по-серьезному. Пальцы судорожно сцепленных между колен рук побелели от напряжения, словно она искупалась не в теплой водичке, а по крайней мере в проруби.

– Так, ну-ка хватит тут истерить, бляха-муха! – крикнул высокий крепыш и в сердцах пнул чей-то спасенный баул на дне лодки. В бауле звякнуло, из незастегнутого кармашка вывалилась пудреница, а лодка от крика заходила ходуном. Был он небрит, но в спортивные штанцы и футболку с надписью “Рыбфлот” одет чистые, хоть и насквозь промокшие.

– Алешенька... – растерянно выдохнула растрепанная женщина, на которой из одежды был лишь темно-синий закрытый купальник, и посмотрела на названного мужчину безумным коровьим взглядом.

Однако “Рыбфлот” кричал не на нее:

– Тихо, Любка. Мишаня, это я к тебе обращаюсь!

– Че такое?... – Михаил поднял голову. На левом запястье весело блеснули часы “роллекс”. Судя по всему, только они радовались ситуации.

– А ниче такое! Берись за весла! До берега рукой подать, там разбираться будем!

– Разбираться? Это ты мне про разборки говоришь?! – Миша угрожающе приподнялся с банки, а потом вдруг круто развернулся к седому усачу в темно-синем парусиновом костюмчике, стилизованном под морскую форму: – Че за херня, а? Я за это, что ли, бабки платил?! – Он обвел рукой океанские просторы – пустынные и бескрайние, подернутые на горизонте сероватой дымкой. – Танька, ну-ка переведи ему: я за это, что ли, бабки платил?!

Но переводить не понадобилось: до сих пор подавленно молчавший капитан “Виктории” Энрике вдруг ухватил Татьяну за голый локоток и, попеременно тыча пальцем то в горизонт, то в сторону берега, принялся громко лопотать по-своему. Но даже без знания испанского спасшиеся кое-что из сказанного поняли прекрасно:

– Базука!.. Эсте а базука!.. Бандитос а терра!..

Усач быстро выдохся и теперь лишь шумно дышал, хлюпая длинным крючковатым носом и выпучив глаза.

– Чего? – на всякий случай переспросил Мишаня у Татьяны.

И Татьяна подтвердила то, что уже уяснили все остальные: катер не просто затонул – “Виктория” была подорвана бандитской ракетой, пущенной с берега. Дескать, он, Энрике, прекрасно видел дымный след.

В оранжевой спасательной лодке поднялся галдеж. До берега метров пятьсот, но на берег, в лапы неизвестных злыдней с ракетной установкой, уже никто не рвался – Миша предлагал ждать панамских пограничников, дескать, граница-то с Колумбией вроде как совсем рядом, должны же были там услышать взрыв. На это Энрике, тряся своими роскошными седыми усами, возражал, что граница между Панамой и Колумбией в этих местах – чисто символическая, никаких пограничников тут отродясь не было; а кроме того... А кроме того, ночью катер, судя по радиомаяку, благополучно эту границу пересек, и теперь они находятся в колумбийских территориальных водах. Как пересек?! Очень просто – шел вперед, шел и пересек! Он, Энрике, перед тем, как... гхм... отправиться спать, прекрасно слышал, как Мигуил после “Баллантайна” решил поиграть в пиратов и встал к рулю. А ты, значит, спать пошел, старый пердун?! А он, Энрике, честно предупреждал Мигуила, что с океаном шутки плохи, но разве кто-нибудь слушает старого опытного моряка? Даже мой тупоголовый брат Агустино слушает старого опытного моряка!..

– Ой, я не могу, не могу, не могу... – стонала Люба.

– Ребята, – жалобно протянул не принимающий участия в гвалте Вова. – Какая Колумбия? Какая Панама? Вы о чем, а?..

– О том, что мы из Панамы попали в Колумбию! – гаркнул Миша. – Протрезвел, алкоголь?

Володя помотал головой, рассыпая вокруг брызги с мокрых волос, и еще более жалобно спросил:

– А в Панаме мы как оказались?..

– Тихо! – вдруг подал голос старик. – Слушайте!

И как раз в этот момент в хор голосов вклинилось тихое, едва слышное жужжание. Из-за мыска по правому борту лодки показались две моторки бледно-зеленого цвета. Оставляя в кильватере белопенные “усы”, они развернулись и уверенно двинулись к спасшимся.

Агент “Неваляшка”

Как это ни прискорбно, но в этой истории я выгляжу как полное чмо. Нет бы сразу догадаться, что взрыв на катере неслучаен, что нас пасли с самого начала – профессионально пасли, кстати говоря... а потом, когда выпал удобный случай, решили, видимо, перейти к активной фазе. А я? Мне нужно было не в оранжевое корыто это спасательное сигать, а, наоборот, – с другого борта, да в морскую синь, да проплыть тайком до берега, да выбраться незаметно, да поглядеть, кто и почему, и спокойненько разработать план действий в условиях непредвиденной ситуации.

Ладно, тут мы лопухнулись. Но ведь уже в корыте, когда прозвучали слова “базука” и “бандитос”, можно было понять, что катер примитивнейшим образом расстреляли с берега? Можно было. И нужно. И по тому, с какой скоростью он затонул, ежу понятно, что попали в машинное отделение. Или же случайно, или специально целились. При нашей работе предполагать надо худшее: значит, целились специально. Дальше. Из простой базуки засандалить гранату с подобной точностью невозможно. Значит, ребята серьезные, с серьезным ракетным комплексом и нешуточными намерениями – не просто заложников взять и выкуп потребовать...

Да уж, подвели меня рефлексy агента влияния. И вместо того, чтобы тупо тарашиться на опекаемую “персону” (здесь ли, не утопла ли, не ранена ли), надо было тут же смекнуть, что обстрел гражданского катера на границе с Колумбией – это не хухры-мухры, что за атакой последуют захват пассажиров и, не приведи Бог, зачистка. И надо было, опять же, мягонько перевалиться через борт спасательного корыта и драпать к берегу. Потому что привычка у меня такая – в одиночку работать. И когда Энрике с простреленной головой повалился в бутылочно-зеленую воду, когда резиновое корыто с проколотыми армейским ножом секциями отправилось на дно, в компанию к “Виктории”, стало окончательно ясно, что добром эта катавасия не закончится. Эх, товарищ генерал-майор Ермакин, Григорий свет-Салтанович, отец родной, по головке не погладит. Ну да что толку после драки кулаками махать...

А началась катавасия так. Дислоцируюсь возле кормы, поправляю здоровье лекарством под названием “отвертка” (пятьдесят водки на двести апельсинового джюса – и именно в такой пропорции, иначе это уже не лекарство. Иначе это уже не “отвертка”, а форменный “штопор”). И чинно беседую кое с кем из спутников на тему того, что как это хорошо, что сезон дождей еще не начался, хотя уже пора бы, и, кстати, был ли вчера метеоритный дождь – потому как в здешних местах метеоритные дожди явление нередкое. Я-то никаких дождей, ни метеоритных, ни обычных, вчера не помню, недосуг мне было на небо смотреть, за “персоной” уследить бы...

В общем, беседую светски и по сторонам не забываю поглядывать. Идем вдоль берега – узла три-четыре, не больше. Мотор работает ровно, умиротворенно. Ветерок подмышки приятно обдувает, “отвертка” прохладная манит из запотевшего бокала... Хотя “отвертка” с утра – не самое хорошее начало трудового дня, но после вчерашней оргии более чем полезное. В рубке усатый Энрике показания каких-то приборов на пульте управления катером изучает. Репу чешет озадаченно. Лепота.

И тут.

Краем уха улавливаю едва слышный плеск. По левому борту. Нарастающий. И вроде бы тень какая-то в воде проскользнула – то ли акула, то ли торпеда. Вдруг ни с того ни с сего: ХЕ-Р-РАК! Палуба буквально встает на дыбы, я отлетаю к леерам правого борта, тент с надписью “Marlboro” упархивает в море, початый бокал с “отверткой” разбивается вдребезги. Грохот такой, что аж в глазах потемнело. И вроде бы заорал кто-то. Озираюсь. Крен катера на левый борт – градусов двадцать; и – увеличивается, зараза. Откуда-то со стороны левого борта дым валит, уже и языки пламени появились. Пассажиры кто в чем за борт сигают.

Вот тут-то мне б поумнее пассажиров быть. Рюхнуть бы, что это не просто движок взорвался. Что это – акция, и вряд ли дружественная. Но рефлексy оказались сильнее. Главное было – не потерять из зоны видимости “персону”. Как только она вновь нарисовалась и тут же исчезла за бортом, я следом за ней. “Солдатиком”. В воду. Плюнув на вещи в каюте. Плюнув на оружие, рацию и кое-какие джеймс-бондовские причиндалы.

Кренизм, конечно.

Ну и что? Ну, живы и я, и моя подопечная персона класса “А”. А толку? Быстренько пересчитываю людей в корыте – все ли семеро спаслись. Все мы тут: новый русский Миша, его секретарша Татьяна, похмельный Вова, морячок Алексей, старик по отчеству то ли Михалыч, то ли Борисыч, растрепанная Люба и бравый капитан Энрике. Сидим, на море тупо глядим. В шоке. Обсыхаем. Кто в чем. Главным образом в несерьезных шортиках, сандаликах и футболочках. Вещей почти ни у кого. Скверно, очень скверно.

Мне становится жарко, и не столько от солнца, сколько от осознания того, что мы влипли по-крупному. И поделаться-то я ничего не могу, кроме как тупо продолжать игру по легенде и ждать, пока обстановка прояснится.

– Это пограничники? – неуверенно произнесла растрепанная рыжеволосая женщина на корме.

Никто ей не ответил.

– Правда ведь? – Она обхватила себя за плечи и впилась ногтями в кожу. – Скажите, что это пограничники!

Голос ее сорвался.

– Кто бы то ни был... – Старик в кепке напряженно вглядывался в приближающиеся моторки. – Так, быстро, хорошие мои, документы есть у кого?

– Документы?.. – тупо переспросил Миша и вдруг опять схватился за голову. – Ой, блин! Барсетка в каюте! Кредитки, мобильник!..

– Ясно. – Старик выудил из нагрудного кармана книжицу темно-зеленого цвета в пластиковой обложке, отряхнул от воды, открыл.

– У меня есть. Паспорт моряка, – сообщил “Рыбфлот” и запустил руки в грудку вещей на дне.

– Подмок малость. – Старик разглядывал вытащенный документ. – Но не расплылся...

– А у меня в отеле остался. – Рыжеволосая Любка оглядела свой нехитрый наряд с таким видом, будто только сейчас заметила, что на ней всего лишь купальник.

– Михалыч, а что, это действительно пограничники? – Татьяна не отрываясь смотрела на моторки.

– Борисыч, – поправил старик.

– Да?.. А мне почему-то казалось...

До лодок оставалось метров сорок, и уже можно было разглядеть сидящих в них людей. В форме. Вооруженных.

– Черт их разберет... Но, Танюша, – вдруг сказал Борисыч и крепко взял девушку за локоть, – мне кажется, пока не стоит выдавать им, что вы хаблаете по-эспаньольски. Сделайте вид, что ничего не понимаете. Пусть Энрике общается.

– Это еще почему? – спросил Михаил.

– Ну просто на всякий случай...

Наблюдая за приближением гостей, Вова нащупал упаковку с пивом, отработанным движением разорвал, достал украшенную надписями и коронами жестянку, вскрыл ее и опрокинул в рот.

Метрах в десяти гости одновременно заглушили моторы, и оставшееся расстояние лодки бледно-зеленого цвета проделали по инерции. Первая несильно стукнулась о лодку русских, и один из сидящих в ней людей ухватился за оранжевый борт, чтобы не проскочить мимо. Вторая обогнула с другой стороны и замерла, покачиваясь на волне, чуть впереди.

В моторках сидели солдаты – по четыре в каждой. Латиносы, в камуфляжной форме с закатанными рукавами и множеством карманов, смуглолицые, коротко стриженные. Вооруженные лоснящимися на солнце, с рожковым магазином и пистолетной рукоятью, черными короткоствольными автоматами. Похожими на “Хеклер-Кох”. Никто в русских не целился, и это обнадеживало. Но на потерпевших кораблекрушение солдаты смотрели равнодушно, без всякого выражения. Как на неодушевленные предметы. И это было очень неприятно. До зуда под ложечкой.

Сразу стало ясно, что главный у них – вон тот жилистый крепыш в солнцезащитных очках-“каплях” на горбатом носу, нависающим над щеточкой коротких усиков. Уперев приклад автомата в колено и направив ствол в зенит, он лениво жевал тонкими губами разломаченный окурок сигары. В очках отражалось море.

Когда моторки остановились, взяв оранжевую лодку в клещи, главный латинос выплюнул окурок в воду и вполне дружелюбно произнес:

– Пор фаворе, транспассэ эста навиа!

– Чего ему надо? – напряженным голосом поинтересовался Михаил у Татьяны, забыв о просьбе старика.

Та наклонилась к своему шефу и негромко ответила:

– Чтобы мы перебрались в его лодку.

Борисыч в ответ на приглашение молча протянул вооруженному гостю свои документы. Тот охотно принял их и тут же сунул в задний карман брюк. Даже не открыв. Даже не посмотрев на обложку.

– Это пограничники? – встряла лохматая. – Спросите у него, они пограничники?

– И скажите, что мы хотим видеть русского консула, – хмуро добавил моряк Алексей. Значит, личности в оранжевой лодке латиносов не интересуют. Поняв это, он непроизвольно гулко сглотнул и прекратил копаться в вещах.

Татьяна отмахнулась от моряка и с вызовом о чем-то спросила у человека в темных очках. Тот усмехнулся, ответил односложно и сделал приглашающий жест рукой.

– Ну? – нетерпеливо пихнул секретаршу под локоть Миша.

– Он сказал, что... – начала было Татьяна переводить, и тут в беседу вклинился Энрике.

Потрясая запорожскими усами и брызгая слюной, он начал гневную, весьма эмоциональную речь, обращенную непосредственно к командиру латиносов. Он размахивал руками, попеременно указывал то на северо-запад, в сторону Панамы, то на зеленеющий берег, то почему-то на небо. Он ругался – это было очевидно для всех. Он чего-то требовал.

Жилистый тип в зеленой лодке слушал Энрике очень внимательно, склонив голову набок. Потом лениво направил ствол автомата в лицо капитану погибшей “Виктории” и нажал на спусковой крючок.

Все случилось так быстро, так буднично, что поначалу никто не понял – а что, собственно, происходит.

Очень громко треснул одиночный выстрел. В воздухе остро запахло порохом. Рыбкой блеснула на солнце и булькнулась в воду отработанная гильза.

А Энрике как куклу смело за борт – с такой силой, что фуражка слетела с макушки. Он рухнул спиной в воду, подняв тучу брызг, и закачался с раскинутыми руками. Вокруг головы быстро расплывалось розовое облако. Разлетевшиеся полы морского кителя заколыхались, потом, намокнув, мягко потянули тело вглубь.

Вова, успевший к тому времени опорожнить две банки с пивом, выронил третью из рук, так и не открыв. А потом растрепанная женщина завизжала.

Аккорд второй

Особенности колумбийского плена

Татьяна Симохина

Через две недели я возненавидела эту Панаму и ее панамцев. Жара, духота, везде грязь, немытые и небритые мужики, ничуть не похожие на Антонио Бандераса ни ростом, ни лицом, ни сексапильностью, а напоминающие скорее наших рыночных айзеров; женщины все – просто совсем не Марии, развязные, растрепанные, неухоженные и крикливые. А после того как однажды одна, без Миши, вышла в город, я дала себе слово покидать отель только в случае самой крайней необходимости. Миша пропал куда-то, и, совершенно заскучав в отеле, я поехала в центр – походить по магазинам. В маленькой лавочке под трескотню толстого, беззубого, да еще и старого панамца я копалась в пыльных кучах вещей и нашла одну милую штучку. Брошку, сделанную из раковины с жемчужинкой внутри. Сама носить я ее не собиралась, подарю, думаю, Лариске, она любит всякие экзотические мелочи, и ей есть с чем ее надеть. Стоила она, как и все в этой стране, невероятно дешево. Местных денег, бальбоа зовутся, на тот момент у меня не было, и я предложила хозяину взятую из отеля самую мелкую купюру из тех, что хранились в номере: сто долларов. Лавочник перепугался, увидев ее, замахал руками, закричал, что у него нет сдачи, он не может разменять такие деньги, у него и в лучшие дни столько к вечеру не набирается. И посоветовал поменять купюру в обменном пункте через дорогу напротив. Что делать? Пошла. Но и в меняльной лавке, меняла, который, казалось, не мылся год, не наскреб такой прорвы бальбоа, равной долларовому стольнику. Я только хотела спросить, куда же мне идти на сей раз, как какой-то крутившийся в лавке оборванец (а такое слово подходит к большинству панамцев) выхватил у меня деньги и убежал. Меняла не мог сдержаться и хохотал как полоумный. После этой прогулки я почувствовала, что окончательно и бесповоротно устала от местной экзотики и решила до самого отъезда домой не выходить из отеля. Разве только если Мише понадобится, чтобы я его сопровождала.

После двухдневного отсутствия Миша наконец появился. И не один.

Мише тоже надоело здесь. Он рассчитывал закончить все дела в Ла-Пальма дней за пять-шесть, а потом закатиться со мной на недельку в Штаты; но какой-то местный чиновник застрял в столице, а без него подписать контракт оказалось невозможным. И мы попали в вынужденное заточение в этом скучном городишке. Даже на море уже не тянуло. Искупаться лучше в бассейне, на который выходят окна нашего номера, за три первых дня я загорела до нужного цвета и, если вновь захочется солнечных ванн, – просто выйду на балкон. А что еще делать на этом море-акияне?

Миша от скуки стал пить. Конечно, без пива и джин-тоника у него и так не обходится ни один день, но меня это несколько не волнует – я ему не жена и никогда ею не буду. Даже если он и сделает предложение. (А у него, кажется, вызревает такая мысль. Уже несколько раз заводил какие-то странные разговоры об одиночестве, о том, что никто его не понимает, а я, как он полагает, в состоянии его понять. Дозревает мужик, но мне он совсем не нужен – несмотря на все его богатство.)

Миша может считаться богатым человеком не только по панамским меркам. Оптовые поставки продуктов из латиноамериканских стран в Санкт-Петербург, Ленинградскую, Новгородскую и Псковскую области; он один из совладельцев фирмы. Не трудно догадаться, что мужик денежный, это я знаю наверняка. О таком доходе, что он имеет, рядовой бизнесмен в порядочной стране может только мечтать.

Но я могу выдерживать Мишу недолго – лишь столько, сколько делятся наши с ним, слава Богу, нечастые поездки по странам Центральной и Южной Америки. Да разве еще

вытерпеть раз в неделю свидание в родном Санкт-Петербурге. Если наше общение с ним затягивается – я начинаю нервничать. Хотя он мужик неплохой, не злой, не жадный, не хам. Но – очень простой. Неотесанный. А простота, как известно...

Может быть, я даже скоро порву с ним. Насовсем. Да и рвать-то особо нечего. Что нас связывает? Моя работа выездной переводчицей в испаноязычные страны с совмещением профессии гетеры да редкие свидания в Питере. Кое-какой капиталец я уже накопила, чтобы иметь возможность не спать с мужчиной исключительно ради новой командировки в Латинскую Америку и получаемого за это вознаграждения, пускай и приличного. Противно чувствовать себя шлюхой. А иногда нет-нет да и накатит такое чувство. Тем более в постели Миши... Нет, все в порядке, но, наверное, он не тот мужчина, с которым мне будет по-настоящему хорошо. Миша может славно, очень так по-мужицки, трахнуть. Сильно, напористо, подавляя полностью, растапывая, насыщаясь жадно, безудержно. Каждой женщине приятно, когда ее так неистово желают и берут. Иногда хочется отдаться именно так. Но потом, насытившись, в следующих своих попытках Миша уже однообразен и скучен. Унылая смена позиций, словно выполняется какая-то обязательная программа, и монотонное, нудное совокупление. Фантазии ноль, нежности ноль, предварительной любовной игре, сколько я ни пыталась, мы научиться не можем. Правы те, что говорят: чем выше интеллект, тем интереснее мужчина как любовник. Впрочем, все это ерунда. Главное, нет и неоткуда появиться между мной и Мишей того чувства, что примиряет все...

Да, я говорила, что Миша от скуки стал пить. Крепкие напитки и помногу. Слава Богу, ничего страшного с ним не происходит, когда он напивается. Не буйнит, не распускает руки, но все же, все же, все же... неприятное зрелище для трезвого человека. А я, разумеется, не составляла ему компании в неумеренном питии. Поэтому он стал пропадать из отеля на полдня, на день, потом на два... Уверена – шлялся по местным шалманам. Еще, я думаю, не преминул посетить здешних шлюх, попробовать панамской клубнички. Да и пусть, мне плевать. Не волнуюсь я и из-за того, что он может меня чем-то заразить. Слава Богу, Миша настолько боится СПИДа и сифилиса, просто панически, что в самом бесчувственном состоянии на автопилоте достанет презерватив.

Последний раз, пропав на два дня, Миша вернулся в отель не один. С ним пришли еще двое. Разумеется, никто из них не был трезв. Тот, которого, как выяснилось, зовут Вова, вообще с трудом держался на ногах. Впрочем, он и не стал на них держаться, а сразу обвалился в кресло и задрал ноги на подлокотники. Казалось, у этого Вовы оба глаза стеклянные – хотелось узнать, сколько же он выпил и почему не закусывал, но совсем не хотелось заговаривать с ним. Это напившиеся мужчины представляются себе неотразимыми орлами, когда на самом деле трезвой женщине они омерзительны. Вдобавок от этого Вовы несло потом, как от козла, волосы, конечно, немыты-нечесаны-нестрижены лет двести, а шорты и футболка измяты, будто он в них ходит не снимая с самого рождения. В общем, того еще типа приволок Мишаня. Наверное, соскучившись по отечественным бомжам.

Хорошо хоть второй гостюшка был поприятнее. Очень даже ничего мужчина. Высокий, загорелый, как серфингист, мускулистый. Лицо у него хорошее, женщинам нравятся такие, без всякой смазливости. Крепкий мужской подбородок, втянутые щеки. Правда, нос сломан, ну так это, можно сказать, лишний намек на мужественность. Глаза хоть и пьяные, а симпатичные. Серые, с лукавыми морщинками вокруг, как у Ленина, главное, не близко посаженные, как у крысы. Ненавижу мужчин, напоминающих крыс. Звали второго нашего приятеля Лехой. Он сам так представился, пожав мне по-мужски руку. Лехина ладонь – живого места нет – вся в мозолях, половина ногтей черные, прищемленные или отбитые. За последнее время я привыкла к ладоням пухлым и гладким.

– Танюха! Иди за телефон! – Вошедший и тотчас исчезнувший в направлении туалета Миша снова объявился, энергичный как всегда, и плюхнулся на пуфик около телефонного

аппарата. – Сейчас гулянку конкретно устраиваем. Насчет выпивки подскажу, чего говорить. Закуси побольше заказывай, ну там, сообразишь сама, чего надо. Мы еще эту бабу позвали, ну, со второго этажа. Припрется сейчас. Гульнем по-русски. Видишь, Танюха, я уж думал, никого тут нет, а откопал и в этой заднице наших людей. Давай звони папуасам.

Я позвонила в гостиничный ресторан и сделала заказ. Они там, полагаю, решили, что мы сегодня в нашем номере будем кормить, более того, поить весь отель.

Едва я повесила трубку, Миша взялся рассказывать, где же он подобрал таких замечательных русских парней. Само по себе это действительно было любопытно, поскольку, кроме женщины Любы со второго этажа, ни на кого из соотечественников в городе мы прежде не натыкались. Плохо в Ла-Пальма с русскими людьми.

Сперва Миша отыскал Вовика. Тот в каком-то кабаке трескал спозаранку водку, почему Мишаня и заподозрил в нем русского человека. Подозрения оправдались. Они подружались за допиванием водки, потом отправились в другой кабак, громко разговаривая на родном языке. Русскую речь в их исполнении услышал прогуливающийся по улицам Леха и подрулил к ним. Те, понятно, взяли его в компанию. Одним словом, для россиян сегодня выдался благоприятный день. Его-то наши ребята и решили завершить достойно – славной попойкой в нашем номере.

Я не знала, радоваться мне этому или нет. С одной стороны – разнообразие, общение с соотечественниками. С другой – много я не выпью, а разговоры с пьяными людьми во мне всегда вызывают раздражение...

– Леха, – тем временем пояснил Миша, для пущей ясности показав пальцем на расположившегося на диване Леху, – он, блин, моряк. Отстал от парохода. Ну типа чего-то там в организме сломал...

– Аппендицит у меня был, – раздалось с дивана. – В день отплытия прихватило.

– Во. Пока валялся в госпитале, его пароход тю-тю. Ждет следующего.

– На той неделе придет “Михаил Светлов”, он возьмет.

– Во, клево! А этот лох, – Мишин палец с золотой печаткой указал на Вовика, – ваще хрен знает кто и чего тут делает. Я так и не прорюхал. Несет какую-то ботву. Но, главное, по-русски несет. По-нашему, блин. Сечешь?

Я секла.

Пленных, после убийства старого Энрике безропотно перебравшихся в моторку похитителей и доставленных на берег, обыскали. Даже женщин обхлопали – не стеснясь, но и без похабщины. Деловито, быстро и умело. Никто из солдат посягать на женскую честь не собирался. И эта деловитость навевала очень нехорошие предчувствия. Уж лучше бы лапали, хохотали и отпускали сальные шуточки. Женщины не сопротивлялись, даже Любка, которая поначалу попыталась было съездить лиходею по морде, когда тот ухватил ее за локоть, высаживая из лодки. Солдат Любкину руку перехватил и толчком послал на берег. Не злясь, не угрожая, не ответив затрещиной. Командир стоял в сторонке и, сторожко поглядывая на пленных, преспокойно раскуривал новую сигару.

Неразговорчивые люди в камуфляже забрали все спасенные с “Виктории” вещи, даже оставшееся пиво (Володя проводил упаковку тоскливым взором, но ничего не сказал), сняли с Мишки “роллес” и печатку, сняли золотой браслетик с Татьяны, и на том мародерство закончилось – Любины серьги и часики за драгоценности не сошли.

– Это не погранцы, – шепнул Алексей Борисычу.

– “Золотого тельца” читал? – шепотом же возразил старик. – Там, помнится, румыны тоже не очень-то...

Один из солдат заглянул в полиэтиленовый мешок нового русского, который тот прижимал к животу, обнаружил там скомканные, вряд ли свежайшие трусы и носки и брезгливо сунул его обратно хозяину в руки.

Мишка сносил унижение стоически – только скулы его побелели от ярости. Старик то и дело оглядывался по сторонам, но молчал. Шоковое состояние овладело всеми.

Закончив досмотр, солдаты повели пленных по не приметной тропинке в глубь прибрежных кустов – больших, густо-зеленых, похожих на составленные в пирамиды лопухи. Один из латиносов, раньше остальных скрывшийся в зарослях, теперь встречал конвой и этапируемых на тропинке. И был не один. С ним рядом стоял еще один камуфляжный солдат, а на земле возле их нагутаиненных ботинок придавливал траву здоровенный железный ящик. Они пропустили колонну и вместе с еще двумя замыкавшими движение бойцами деловито подхватили ящик с четырех сторон за ручки. Четверо и их зеленая железная ноша составили арьергард процессии.

– Михаил, – спросил оказавшийся рядом Алексей, – ты что-нибудь понимаешь?

– Ни хрена, – так же тихо ответил новый русский. – Типа террористы, подпольщики, пес их разберет. Дай мне добраться до цивилизации...

– Драпать надо, вот что, – убежденно проговорил Лешка. – Вещи забрали, значит, считают, что нам уже не понадобятся.

– Трусые мне оставили. С носками, – криво усмехнулся Михаил и зачем-то подмигнул Алексею.

– Выкуп будут требовать? – предположил шедший за их спинами Борисыч.

– Черт их знает... – откликнулся Алексей. – У кого? У посольства русского, что ли? Или среди нас Рокфеллер затесался? Не-ет, ребята, вы как хотите, а я делаю ноги. Вон туда, в кусты, там, похоже, овражек, не достанут...

Однако воплотить этот план в жизнь он не успел: тропа вывела их к заброшенной проселочной дороге, где стоял, весь в выцветших камуфляжных пятнах, выдававший виды армейский грузовой “мерседес” с крытым брезентом кузовом. Еще один латинос – водитель – высунулся из кабины и крикнул очкастому главарю:

– Ке паса?

– Классико! – ответил главарь, и водитель исчез в кабине. Через секунду заурчал двигатель, и сизый дым за клубился у выхлопной трубы.

Михаил вопросительно глянул на Таню, хотя и без перевода все было ясно.

– Тот говорит: все ли нормально прошло? А этот: все, дескать, отлично, – передернула плечами Татьяна. – Ребята, мне страшно...

Двое солдат споро откинули заднюю стенку кузова и раздвинули брезент. Усатый приглашающе махнул рукой: мол, полезайте.

– Не хочу, не хочу! – вдруг закричала Люба и ломанулась куда-то вбок от грузовика.

И вот тут стало окончательно ясно, что заложники пока нужны похитителям живыми: один из солдат скинул с плеча автомат, но главарь резко ударил по стволу и заорал на стрелка. Другой бросился Любе наперерез, сделал подсечку и навалился сверху.

С помощью товарищей ему удалось утихомирить беглянку. Ей помогли подняться с земли, галантно подав ручку, вернули полотенце. Большое, если не сказать – огромное махровое полотенце, которое Люба повязала вокруг пояса, соорудив подобие юбки, когда они были высажены на берег, и которое слетело во время рывка.

Поняв, что попытка к бегству пресечена, главарь повернулся к Татьяне и внятно произнес несколько слов.

– Он говорит, что мы не должны делать глупостей, и тогда никто не пострадает, – перевела Татьяна. – Если все будет хорошо, скоро нас отпустят.

– Раз сразу стрелять не начали, значит, мы им для чего-то нужны. Уже неплохо, – сообщил Алексей. – Значит, еще повоюем...

Сначала в кузов забрались двое солдат, приняли наверху странный ящик, оттащили его в глубь кузова. Достаточно вежливо пленным помогли подняться в кузов и рассадили на

деревянных лавках вдоль бортов – троих на одной стороне, троих на другой. Четверо солдат залезли следом.

Кузов слегка качнулся, когда усатый занял место пассажира в кабине.

Но, против ожиданий, грузовик не тронулся тут же с места, мотор продолжал работать на холостом ходу. Спустя некоторое время со стороны кабины послышались голоса, после чего в кузов залезли еще двое солдат. Заняли места у заднего борта. Двое забравшихся первыми сидели на ящике. Остальные – на лавках по обеим сторонам от пленников. Никто из них не проронил ни слова.

И только тогда наконец грузовик дернулся, зафырчал и двинулся в неизвестном направлении. Люба то и дело всхлипывала, положив голову на плечо Алексею.

Татьяна Симохина

Этой бы Любе на базаре стоять и торговать кониной, а не по границам странствовать. Конечно же, она приперлась раньше напитков и закусок из ресторана. Конечно же, вульгарно одетая. Раскраска, разумеется, самая боевая. Понятно, в бой она пошла сразу же, с порога. И ясно как день, кого выбрала себе в жертву. Кого ж еще! Для Миши она полная старуха, да и за Мишу надо со мной конкурировать. Вовик даже ей не нужен. Остается Алексей. Причем неплохо остается – всего лет на пять ее моложе, симпатичный; я вне игры из-за Миши; других женщин не ожидается. А когда она узнала, что Леша моряк, то есть профессионально скучающий по женщинам, к тому же в “лирическом состоянии”, да еще собирающийся усугублять “лиризм”, ее глаза полыхнули триумфальным огнем. Куда, дескать, он денется от женщины, хотя и не первой свежести, зато которая сама на шею вешается. Конечно, от таких перспектив у нее захватило дух, и она без разгона начала действовать.

А я отчего-то почему-то набралась в тот вечер. Выпила, наверное, раза в четыре больше нормы для приличной женщины на вечеринке. Причем позволила себе напиться очень быстро, со скоростью дамы полусвета. Зачем-то запивала текилу пивом, хотя никто не заставлял. Мужчины подливали и подливали. В них, надо полагать, наряду с другими такими же дурными развит инстинкт спаивания. Надо – не надо, а будут спаивать. И вот результат: если начало засидки помню отчетливо, то где-то с середины вечера идут провалы. В памяти сохранился один балкон – то ли из-за того, что голова ненадолго прояснялась только на нем, под действием свежего ветра, то ли из-за того, что я как вышла на балкон, так всю вторую половину вечеринки и не покидала его. В памяти осели лишь узловые моменты.

Как Любка меня оттесняла от Алексея, стоило мне с ним о чем-то заговорить.

Как Миша вбегал-убегал, и в руке у него непременно что-то было: то баночка, то бокальчик.

Как пели, обнявшись, про цветущую в поле у ручья рябину.

Как рядом образовался Вова, которого все считали вырубившимся, и попытался перелезть через балконные перила. Как со смехом все его от перил отрывали, а потом Миша влил в него бокал чего-то желтоватого и увел в номер.

Как Любка на фоне темнеющего неба прижала к себе Алексея и впилась с азартом вампирши в его губы, при этом обстоятельно и старательно терлась своими прелестями о его мужественные выступы, а потом куда-то исчезла.

Как Миша ворвался с воплями: “На море, блин, на море! Ща забабхаем круиз вокруг Панамы!” И стал всех выталкивать с балкона. Уяснив, в чем дело, я, помню, очень обрадовалась. Полагаю, в тот момент я пребывала в романтическом угаре.

Как в непонятной спешке кидала в сумочку и пакет то, что считала в ту минуту необходимым взять с собой.

Как выпила до дна “на ход ноги” то, что поднесли, уж и не помню, какого вкуса и крепости.

Как после обнаружила себя выходящей из машины уже в порту, а мужчины доставали из багажника позвякивающие коробки.

Потом мы купались, ныряя в воду прямо с пирса, а вокруг покачивались лодки и катера. Любка, помню, сначала требовала немедленно отправляться в “круиз”, а потом, разгоревшись, предлагала всем плавать голышом, но ее никто не поддержал, тогда и она сама передумала демонстрировать самые сокровенные свои части, разумеется жутко соблазнительные, перед которыми, уж конечно, никто не устоит, и обиженно осталась на пирсе. Так что не плескались только она, Вовка, да еще Миша. Наш Вовик мирно похрапывал, свернувшись калачиком на мокрых досках рядом с Любой. А Миша куда-то уехал на арендованной машине, но скоро (а может, и не скоро?) вернулся в обнимку с каким-то счастливым панамцем при усах до ключиц. Нет, наверное, он все-таки вернулся скоро, потому что когда Миша чего-то хочет и начинает действовать, то в нем пробуждается вулкан энергии. Тогда он смеет преграды и не потерпит и полмига проволоочки. И мало кто может в такие минуты устоять перед его напором и уверенностью.

Потом мы взошли на большой белоснежный катер. Любка все хваталась за Алексея, а Миша куда-то опять подевался. Мы даже стали скандировать с палубы: “Миша! Миша!” Наконец он появился. И опять же не один. Опять же в компании с русским. Старичком лет ста. Которого он, конечно, силой затолкал на катер. Откуда дед взялся, я узнала позже. Тогда меня ничего почему-то не удивляло, я все воспринимала как должное. И вообще я пошла в каюту – осмотреться, положить вещи и переодеться. Каютка оказалась до ужаса милой и уютной. Я сняла мокрый купальник, прилегла отдохнуть и под качку уснула.

После сорока минут езды по ухабистой дороге грузовик наконец остановился. Солдаты выпрыгнули из кузова, откинули брезент. В кузов проникли яркие лучи чужого солнца.

Пленных провели краем огромного поля, подстриженной травой напоминающего футбольное. Но чтобы на нем все-таки играли именно в футбол, при всей распространенности этой игры в Колумбии, было непохоже. Где ворота, где разметка? Да и размерами поле превосходило футбольное: раза в два по ширине, раза в три-четыре по длине. Предназначение этой травяной пустоши опытный глаз определил бы без труда – посадочная полоса для приема легких самолетов и вертолетов.

– Мишка, ты же катер нанимал, – негромко напомнил Алексей, исподтишка озираясь по сторонам. Никто из конвоиров на неразрешенную реплику не отреагировал. – Может, он в угоне числится?..

Татьяна наступила босой ногой на торчащий из земли сучок, пошатнулась и едва не упала. Один из солдат предупредительно поддержал ее за локоток. Таня испуганно вырвала руку. И вдруг громко всхлипнула.

– Хрен знает, – сквозь зубы бросил Михаил. При каждом шаге несерьезные его пляжные сандалики звонко шлепали по пяткам хозяина и поднимали облачка пыли. – Но если мы через границу ломанули, тут вилы могут случиться конкретные...

На полуденном солнце нехитрая одежда пленных высохла моментально. День обещал быть жарким. Во всех смыслах.

У края, противоположного тому, с которого начался их путь вдоль огромной поляны, и куда их, судя по всему, и вели молчаливые солдаты, находилась группа исключительно прямоугольных строений. Глядящему издали могло прийти в голову сравнение – будто кто-то все это собрал из гигантского “лего”. Вблизи, всматриваясь в детали и подробности, никто не обнаружил бы ничего любопытного: одно большое здание, каменное, видимо жилое, а вокруг прилепились многочисленные постройки помельче, деревянные, видимо хозяйственного назначения. Одна из построек, как пень опятами, была облеплена разнокалиберными “тарелками” и усами антенн. Между ними миниатюрной Эйфелевой башней возвышалась

решетчатая конструкция, знакомая по фильмам про тюрьмы и концлагеря, – наблюдательная вышка. Хотя заграждений из колючей проволоки нигде не наблюдалось.

Доставивший их грузовой “мерседес” обогнал процессию и, фырча, скрылся между строениями.

То и дело встречались на пути пленников люди в камуфляже и при оружии.

Бетонное сооружение, своими габаритами, обшарпанностью и единственным узеньким оконцем под самой крышей напоминающее российский привокзальный сортир в провинции, стояло чуть в стороне от прочих домов и домиков. Его окружал забор из “колючки”, впрочем, не только его, но и посыпанную песком площадку.

В тенечке под брезентовым тентом, неподалеку от одноэтажного кирпичного здания с широкими дощатыми воротами, куда, судя по всему, заехал грузовик, отдыхал старенький джип.

О том, что перед ними здешняя тюрьма, никому не составило труда догадаться. Последние сомнения отпали, когда их втолкнули внутрь, за железную дверь, оборудованную примитивным “глазком”, а иначе говоря, просверленной насквозь дыркой. Дверь моментально закрыли, едва последний пленник перешагнул порог.

Их встретили духота, полутьма и тот аромат, который сильнее прочего роднил это здание с отечественным сортиром. Было жарко: полуденное солнце со всей дури лупило в жестяную крышу неказистого строения.

Когда глаза привыкли к плохой освещенности, во всей красе предстало внутреннее убранство их нового номера-люкс: разбросанные по полу циновки да железный невысокий бак с крышкой для отправления естественных надобностей. Проще говоря, “параша”. Еще камера четыре на пять метров могла похвастать разве только зарешеченным окошком под потолком, в которое можно было протолкнуть, и то с трудом, худосочную кошку.

– А чего, очень мило, мне нравится, – нарушил молчание Вовин голос.

– Хватит идиотничать! – истерически взвизгнула Люба и бросилась к Михаилу. – Сво-лочь! Ты, ты! Ты завез! Гад! – Она кулачками замолотила по его груди, он попытался схватить разошедшуюся бабу за руки... В общем, завязалась глупая борьба с криками и руганью.

– Любка! Тихо! – гаркнул Алексей, который, отделившись от группы, прогуливался по камере, с интересом разглядывая стены.

Любка не утихла. Алексей вдруг оказался перед ней и влепил сильную и звонкую затрепщину. В незамедлительно наступившей тишине, казалось, был слышен отзвук сочной оплеухи. Люба тут же обмякла. Истерика прекратилась. Но полились слезы. Женщина отошла в угол, села на циновку... и тихо, с подвываниями заплакала. Цветастое махровое полотенце, обернутое вокруг ее бедер, размоталось, бесстыдно обнажив крепкие ноги. Ничей взгляд на них не задержался.

– Я ни хера не понимаю, а тут еще эта больная кипеж поднимает. – Миша со злобы пнул “парашу”. Та, грохнув подскочившей крышкой, опасно закачалась, но устояла.

– Пустая, – констатировала Татьяна за спиной своего начальника.

Михаил обернулся. Встретив недоуменный взгляд шефа, девушка пожала плечами, улыбнулась и отвернулась. Неизвестно зачем огладила невесомое платьице. Потом чересчур легкомысленной для их положения походкой прошла по камере.

– Курево никто не заныкал? – Вова с надеждой обвел взглядом соотечественников, но увидел лишь жесты отрицания. – Э-хе-хе, вот облом-то. Может, у меня самого что завалось...

И он принялся прилежно исследовать содержимое карманов вытертых джинсовых шорт.

Тем временем Люба вскочила, сделала несколько шагов по камере, остановилась у двери их темницы и бессильно прислонилась к ней.

Старик Борисыч, как до того Алексей, рассматривал стены:

– А мы здесь не первые посетители.

– И что с того? – подошел к старику Алексей.

– А то, что похищать проезжающих и проплывающих, вероятно, обыкновенное занятие этих людей. Может быть, одна из статей их дохода.

– Ну и?

– Что “ну и”?

– Какой нам с того прок?

– Не знаю, – пожал костлявыми плечами Борисыч, – я вообще ничего не знаю. Знаю, что очень хочу убраться отсюда. Ясно, что это не пограничная застава, не таможенный пункт и не, к счастью, местная тюрьма. Значит, убраться можно.

Рядом оказался Михаил:

– Что за жопа, Леха? Откуда Колумбия? Что это за клоуны нас повязали?

– А я что, доктор? – Алексей продолжил обход и внимательное разглядывание стен.

Миша пошел за ним.

– Ты оставался в рубке. С этой вот шалавой. – Шедший за ним по пятам Михаил показал большим пальцем в сторону Любки.

– Ну и что?

– Что ты долбишь дятлом – “ну и что”? Достал! – вдруг взорвался Миша и, ухватив Алексея за футболку, рванул на себя. Но тут же понял, что делает глупость.

– Не надо, – попросил Леха, – маечку порвешь. – Он сжал пальцы на Мишином запястье. Подержал так и отпустил. – Не в офисах.

Арендатора утонувшего катера скрутило буквой “зю”, плейбоевский зайчик на майке испуганно запрядал ушами. Раздалось сдавленное Мишкино “у-йю-о-о” и следом разные нехорошие слова.

– Облом, товарищи, – напомнил о себе с циновок Вовик. – Махорки нет, пиво отобрали. Скука в окопах.

Он пригорюнился.

Алексей продолжал разглядывать стены. Борисыч занимался почти тем же самым, но еще и щупал их, отколупывал мелкие кусочки, крутил в руках, изучая, не иначе, состав цемента, пошедшего на постройку.

– Леха, ты бы, падла, упражнялся на этих урюках с “калашами”... – примирительно выдавил Михаил, по-прежнему держась одной рукой за другую.

– У наших гостеприимных хозяев были не “калаши”, – счел своим долгом уточнить Борисыч.

– Да какая, к херам, разница! – опять перешел на крик Михаил. – Как мы сюда загремели, кто ответку держать будет, а?! Че мы тут делаем? Откуда Колумбия?

– Последнее как раз наименее удивительно. – Борисыч оказался единственным, кто пожелал отвечать на вопросы бывшего спонсора компании. – От Ла-Пальма до колумбийского берега морем – чуть более ста километров. Не так уж много для быстроходного катера, шедшего всю ночь.

– Да кто шел-то, ядрен батон?! Просто катались себе по морю, как белые люди...

– Форшманулись, – подал голос Вовик. – Славный форшмачок вышел.

– Помолчи, а? Вот ты только помолчи! – отскочила от двери Любка. Глаза у нее были красные, но слезы уже высохли. Она яростно затянула узел на полотенце вокруг талии. – Ладно, если так хотите. Мы с Лешей были там вдвоем... Не так уж долго. Пока мы там... были, Леша зажал как-то штурвал, чтоб лодка плыла по прямой. Ну и что? Потом мы ушли, и он выключил мотор, ведь так? Панамца этого уродливого нигде не было, и он выключил. Так ведь, Леша?

– Не знаю. – Алексей уже оторвался от созерцания стен.

– Что ты не знаешь, что? – опять начала набирать истерические обороты Любовь. Грудь под синим купальником вздымалась, как океанские волны в шторм. – Выключил или нет?

– Вроде выключал, – сказал Леха.

– Я не могу больше, – обхватила лицо руками ночная любовница моряка. Опять послышались всхлипы. Вдруг она опустила руки и расширившимися глазами посмотрела на секретаршу Михаила: – Там двое местных! Таня, ты же понимаешь по-испански! Надо подслушать!..

– Кто где был ночью?! Каждый рассказывает, где был ночью! – не унимался Михаил, в такт словам с силой хлопая ладонью по бетонной стене.

– Может, перестанете орать? Хотя бы в виде разнообразия. Люба права. Я здесь одна, кто может заниматься делом. Нужным, общественно-полезным. И все мне мешают. – Покинув свой пост у двери, Татьяна приблизилась к сбившимся в группу соотечественникам.

– Ты о чем это, лапа? – обратился к ней не кто-нибудь, а Михаил. По праву личного обладания.

– О том, лапусенок, что кто, кроме меня, владеет испанским? Никто? Тогда я вот что вам скажу. Нас сторожат два башибузука. Сидят на крыльце с той стороны, прислонившись к двери. Над дверью короткий козырек – говорю для тех, кто не разглядел, – и им, негодяям, не хочется на солнце.

– Думаешь, они нас подслушают? – хохотнул Миша и, улыбаясь, оглядел присутствующих.

– Милый, – проворковала Таня, – я думаю совсем о другом. О том, что я их могу подслушать. И я пыталась слушать, но из-за ваших воплей толком ничего не разобрать.

– Да зачем они нам?

– Барышня абсолютно права, – вмешался Борисыч. Он сдвинул кепочку на затылок и почесал залысину. – В нашем положении любая крупица информации лишней не окажется.

– Тогда валяй! – распорядился Миша. – Иди подслушивай!

– Спасибо, дорогой. Только вы уж потише, вполголоса как-нибудь.

Слегка пританцовывающей походкой самая молодая из заключенных направилась к двери.

– Леха, – осторожным голосом обратился к спутнику Михаил, – вырубил ты мотор или нет?

Алексей сморщился, как от лимона:

– Тебе не надоело? Завел шарманку – “кто да кто”, “вырубил – не вырубил”. Теперь-то чего. Приплыли. Вчера ужрались все. А ты панамца напоил.

– Слушай! – Вовик вдруг как ужаленный кинулся со своего сидячего места к Михаилу. – Ты ж не глядел в своем пакете! – Он поднял с бетонного пола и поднес к носу нового русского пластиковую сумку. – Может, там курево! Нехай рассыпанный табак. Замастрячим косячину...

Накопившийся грозовой разряд нашел громоотвод. Бывший благодетель вцепился в тощие плечи Вовика, протаскивая через камеру, вжал в стену. Плейбоевская майка угрожающе затрещала на Мишкиных плечах. Стиснув Вовику толстыми пальцами челюсть, Михаил испустил свой самый пронзительный за сегодняшнее утро крик:

– Прибыю, пидарюга! Укатал ты меня, понял?! Козляра дешевый!

Борисыч проворно кинулся к сцепке, повис на плечах нового русского, попытался оттащить. Кепка слетела с его головы и упорхнула в угол, обнаружив под собой жиденькие растрепанные волосы мышиного цвета. Любка не то чтобы громко, но заверещала, Алексей отвернулся и сплюнул. Вовик, не сопротивляясь насилию, таращился на взбесившегося земляка и сипло дышал.

– Из-за таких, как ты! – не унимался Михаил, безуспешно отталкивая от себя цепкого Борисыча. Отчаявшись оттащить, старик втиснулся меж конфликтующими, встал живой перегородкой. – Макака! Говнюк! Урою! – сотрясало камеру.

– Хватит, хватит, – заклинал Борисыч, сдерживая напор.

Отодвинулась, скрипнув, заслонка дверного “глазка”, и в дырке показался человеческий глаз. Зрачок пометался туда-сюда, потом дырку заполнили губы и что-то прогавкали – отрывистое и нерусское, обнажая желтые зубы.

Послышался смех, и явления с воли закончились опустившейся заслонкой. Впрочем, смех слышали только Татьяна да Люба, чьи головы располагались рядом с “глазком”. Таня стояла, опираясь о дверь и скрестив руки на груди; прищурясь, наблюдала за возней вокруг шефа дефис любовника.

Борисыч с неутомимостью первой ракетки мира отбивал пухлые загорелые руки, пытавшиеся таки достать Вовика. На том, собственно, противостояние и закончилось. Нападающий неожиданно сник и, бормоча ругательства, плюхнулся на циновки. Сел, уперев локти в пальмы и кораблики на шортах, уронил лицо на сложенные “замком” кисти.

– Как вы достали, мудилы, – отчетливо слышали все.

Любка тем временем отошла от “глазка” и что-то нашептывала Алексею на ухо.

– Да ладно тебе, – вяло отмахивался тот, – с ума совсем сошла...

– Чего это он? Крышка отвинтилась? – отойдя от потрясения, спросил своего защитника Вова.

– Все мы взвинчены по вполне понятным причинам, – разъяснил Борисыч. Он пошарил глазами по камере, отыскал потерянную кепку и водрузил на прежнее место на макушке. Снова сдернул.

В камере настало затишье. Миша бормотал что-то себе под нос, мотая головой, упертой в кулаки, Вова растянулся на циновках и закрыл глаза, Любка шепталась с Алексеем, прижавшись к нему и поглаживая его руку, Борисыч мерил неспешными шагами темницу, о чем-то задумавшись. Сквозь неполноценное окошко вливался размеренным потоком свет, рассеивая тьму, доводя ее до состояния полутьмы или даже трех четвертей тьмы.

Михаил Сукнов

Придурка Вовика я подобрал в борделе. Ну не рассказывать же про это Таньке! Начнутся всякие глупости, понты, типа – значит, я тебе не нравлюсь. Расхнычется еще, баба ж; бизнес бизнесом, а может, влюбилась в меня, дура, надеется. Ну, по-любому ей не в кайф будет узнать, что я по шлюхам хожу. Да я бы, может, и не шастал, сдались мне эти шлюхи, уж давно все пробовано-перепробовано. Короче, были б дела, я б вообще по этому сраному городишку только туда и обратно. Но дела встали, скучно, блин. Сидишь, как дурик, в отеле, ждешь какого-то хмыреньша из столицы, суку панамскую, и охреневаешь поминутно. Тут хоть чем бы разогнаться. Хоть грязными панамками, мулатками шоколадного отлива. Я никак отмазываюсь, что ли?

Короче, захожу я в бордель и вижу этого придурка. Комната с баром, стулья, диванчики, мухи кругом, бабы полуголые, жирный вышибала в майке – обычные дела. А в углу на двух стульях лежит чувак, не похожий на местных папуасов, в шортах, ноги-руки свисают. Ну, думаю, захорошело какому-то туристу до отключки. Затрахаи мулатки. И никто, что интересно, на него внимания не обращает, ходят мимо. Взял я стакан с пивом, сосу, к бабам приглядываюсь. А они вокруг выются, лопочут, сеньор то-то, сеньор это. Думаю, выберу вон ту, толстожопую, шоколадную. Маленькая, плотненькая, главное – сразу видно, энергичная. Тут, наблюдаю, к чуваку на стульях подходит одна из шлюх, брезгливо так шлепает ладошкой по плечу, типа, ну что, очнулся ты, педрила, или как. И тот издает в ответ мычание. Шлюха обрадовалась, закричала, зовет вышибалу. Тот подошел, рыгая и пердя на ходу, и они

давай вдвоем тормошить мужика, трясти и щипать. Ага, думаю, ясно. Клиент реально отъехал, они его добудиться не смогли, плюнули, пускай, дескать, повалется, отойдет. Выносить на улицу, как хлам, не захотели – наверное, что-нибудь типа чести заведения выиграло. А сейчас видят, он подает сигналы жизни, и давай дожимать его побудкой. Ладно, мне-то что, думаю. Отворачиваюсь, подмигиваю моей толстожопой, мол, иди сюда, базар есть, и тут вдруг слышу здоровый русский матерок. Грамотно так посылают всех подальше. Оказывается, это чучело в шортах – наш человек! И вышибала со шлюхой уже подняли его на ноги и под ручки волокут к выходу. Тут меня что-то дергает: это наш ведь, русский мужик! Хоть поговорить можно. Я быстро плачу за теплое пойло, кидаю сверху столько же их фантиков – типа за моральный облом, топаю на выход. Бабы никуда не денутся.

Чувак в шортах торчит уже на улице, ошалело оглядывается. В дверях красуется, почесываясь, вышибала, чтобы, значит, перекрыть доступ назад. Я подгребаю к чуваку: “Пива хочешь, братан?” На “пиве” он включается. Давай, выдавливает, выпьем. Ну, пошли, сели под зонтики на улице. Я взял холодный “Туборг” в банках. И хорошо хоть, как зовут, спросил его до первой банки, а то и того бы точняк не узнал. Вовиком его зовут. Еще из дельного он успел сказать, как ему херово. Потом высосал три банки, не отрываясь. После чего его развезло, что тебя с литрухи “Пятизвездочной”. И он такое понес... Ну, типа, спрашиваю его: “Ты, братан, из какого города сам?”, а он лепит в ответ что-то типа: “Тородок наш ничего, население таково... Эх, Самара-городок, незамужняя я, пожалей ты меня... Пей, друг, пока зелень из носа не закапает. Атомы с молекулами разберутся сами, куда на что разлагать”...

Плюнул бы я да ушел, на фиг мне дурдом такой, но тут нарисовался Леха. Подсаживается за столик мужик. Ребята, говорит, вы чего, в натуре русские?

Ну, разговорились, то, се. Про Леху я Таньке всю правду выдал, тут-то чего темнить. Леха – вообще-то правильный пацан, мареман. Байки всякие морские травил.

Тут я и подумал, что надо продолжить. У нас в номере, а то сил нет папуасов этих видеть. Устроить конкретный банкет с полным отрывом. Понятно, только одни русские... только они одни, блин... Может, и Вовка очухается. Ну, бросать его стопудово западло, с ходу загребут в ментовку панамскую, а он свой ведь, хоть и шизик...

– Ну потише вы там, не слышно ж ничего, – громко произнесла Любовь и снова прижалась ухом к двери.

– Да ты-то что в испанском понимаешь... – хмыкнул Борисыч. – Володя, а ты как тут оказался?..

Вова не отреагировал – как лежал, так и продолжал лежать. Миша пробурчал из-под кулаков что-то вроде: “Да пошли вы все...”

– Что там? – тихо спросил Леха у Татьяны, кивнув на дверь. Девушка недовольно нахмурилась и предостерегающе поднесла палец к губам.

– Я, между прочим, в Панаме уже полгода, кое-что понимаю, – неизвестно к кому обращаясь, буркнула Любка.

– Так! Идите все сюда! – Татьяна быстро отошла от двери к самому дальнему от “глазка” углу камеры. – Быстро!

Интонация заставила остальных сокамерников без вопросов и торможений собраться вокруг девушки. Один Вова не покинул циновку. Его грудь равномерно вздымалась, рот был приоткрыт – парень спал. По крайней мере, выглядел спящим. Не требуя обязательного присутствия Вовика, Татьяна начала, то и дело судорожно проводя пальцами по растрепанным черным волосам:

– Только не сбивайте меня вопросами, хорошо? Попытаюсь восстановить их разговор. Не перебивайте, я умоляю. В общем, сначала они говорили о пустяках, то есть только о своем, то есть ничего не касалось нас. Я половины не понимала вообще. Сплошные имена,

клички, жаргон. Вот после того, как вы здесь разорались и они взглянули на вас в “глазок”, разговор перешел на нас. Сперва всякие идиотские шутки. Потом один спрашивает у другого: а чего нам по два часа торчать, когда их, то есть нас, продержат самое большее до вечера. Сделали бы смену по часу. Дескать, всяко Маэстро прилетит к вечеру. Он что, их всех с собой заберет, спрашивает второй. Нет, говорит первый, я слышал... В общем, где-то он там подслушал, что Маэстро нужен всего один из нас. Кто-то очень крутой. Остальные – мусор.

Так и сказал – мусор, а мусору место на помойке. Тут другой возражает, что если Маэстро нужен этот крутой, то он его заберет, а этих оставит. Ты что, очумел, говорит первый, чтоб Маэстро следы оставлял, свидетелей? Полная химчистка. И что мы с ними делать будем? – добавляет. А вдруг кто сбежит? А у Маэстро, раз сам прилетает, большой интерес, значит, к тому одному. Вот тут, – Татьяна сглотнула, – один другого спрашивает, а кто из этих, из нас то есть, Маэстро понадобится? Ха, смеется другой, про то знают только Маэстро да сам Падре, как его по имени... то ли Изебара или Эскобара, я не разобрала. Больше никто. Здесь они переключились на этого Эскобара, стали его обсуждать. Потом заговорили о... Не о нас... К нам больше не возвращались. Да разве этого мало! Любка, правда?

Последнюю фразу Татьяна почти прокричала.

– А я вообще ничего не поняла, у них акцент какой-то не такой... – хлюпнула носом Люба. – Да и какая разница, а?!

Татьяна пожала плечами и промолчала. Остальные тоже безмолвствовали.

– Что за поядрень! – взорвался наконец Миша. – Что это значит?!.

Аккорд третий

Должен остаться только один

Любовь Варыгина

Значит, так.

Не люблю таких. Молодая, а наглая, как змея. Подавай ей прямо сейчас все и сразу. Только и научилась, что передком работать, а кто этого, спрашивается, не умеет? Ну чего ей надо еще, шалашовке? Отхватила денежного кобеля, разъезжает за его счет по курортным странам, ест-пьет от пуза, чемоданы тряпками набивает – о такой жизни девки только и мечтают. А эта получила ее, считай, сразу после школы. Ей, малолетке, привалила такая лафа, когда другие в обносках ходят и помоями питаются. Радуйся этому, будь добрее, людям помогай. Так нет же! С жиру бесится, мерзавка. Соплячка! Подстилка такая! Ей, профуре, еще и Лешка понадобился. Заскучала, видишь ли, многостаночница, захотела чары свои проверить. А дружок ейный – лапоть лаптем, что ли? Или он из-за бутылки уже ничего не видит? Не видит, как его секретутка хвостом перед чужим морячком вертит?

Чего в ней находят, не пойму. Килька тощая. Ни задницы толковой, ни передницы. А пить так совсем не умеет. Развезло с каких-то граммов. При такой канареечной комплекции не удивительно. Хотя на ткацкой фабрике, где я ишачила в молодости, была у нас такая, Зинка по кличке Вертолет. Так вот она весила, ну, сорок кило, не боле, маленькая, худенькая, но, кстати, грудастая. И перепивала всех наших мужиков. А хлебали мы тогда, между прочим, исключительно спирт. Заводской, гидролизный, протирочный.

Ну и хорошо, что Танька эта пить не умеет. На катере она наконец отрубилась, уключавшаяся, и мы с Лешкой остались наедине. В той будке, где штурвал...

Но до того они все, кроме Таньки и Вовчика, снесенного мужиками в койку, еще долго не могли уgomониться. Ходили туда-сюда по моторке, пили, закусывали, веселились, здоровенной удочкой ловили в темноте акул. Лешка таскался с ними со всеми, и мне никак не удавалось хоть на минуту оттеснить его на разговор тет-а-тет. А оттеснить надо было. Потом мы все набились в будку, где штурвал. Там еще торчал панамец, молчаливый, потому что по-русски не тянул, и угрюмый, потому что не пил. А ему предлагали: хочешь водочку, хочешь пиво, джин-тоника или ихней текиловки. Энрике этот мотал башкой, твердил как заведенный “ноу, ноу” и еще крепче держался за “баранку”. И разозлил своим упрямством Танькиного Мишку: “Да чтоб я какого-то папуаса не напоил! Падлой буду, он у меня водку шас трескать начнет, только подноси!”

Молодец Михаил – сказал “напою” и напоил ведь. Он этому панамцу за каждый стакан водяры отстегивал по десять баксов, а за стакан пива – по пять. А для здешних десятка “зеленых” – огромные деньги, многим за них месяц погорбатиться в радость в этой Панаме.

Недопитая водка разлилась лужицей по полу, стакан успел на лету ловко так подхватить Лешка, а рубанувшегося панамца – под мышки – Михаил.

– Последний чирик не твой, парень. И так почти на стошку меня опустил, ха-ха. – Танькин хахаль выдрал десятку из кулака Энрике и утащил его на воздух. Отсыпаться.

– Я тоже, пожалуй, пойду сосну, – сказал этот непонятный дед, обнаружившийся на катере.

Значит, дед ушел, но вдвоем мы с Лешкой пока еще не остались. Так как Михаил отволок панамца и вернулся. На мои намеки, чтоб он пошел проведать свою ненаглядную, буржуй наш никак не реагировал. Ему, видишь ли, приспичило порулить. И у Лешки, моряка хренова, тоже проснулась тоска по штурвалам. Ну, они и давай рулить, песни моряцкие горланить. Как пацаны голозадые, честное слово.

Я походила по моторке, постояла на корме, глядя на бурунчик, слезила на кухню, сделала два бутерброда и съела их. Заглянула к нашим. Спят. И Вовчик дрыхнет. Короче, поубивала я время и вернулась. Нет, Леха, не уйди тебе от меня. И вообще, хватит дурака валять, надо дело делать.

Вхожу в будку, где штурвал, и решительно говорю Михаилу:

– Иди, твоя там внизу ревет на весь пароход: “Где Миша, где Миша, Мишу хочу, прямо умираю!” Давай, давай, торопись!

И почти выталкиваю его из будки.

И вот так мы с Лешкой наконец остались наедине. Кто на кого набросился, я так и не поняла. Факт, что меня сжали железные ручки, я подлетела и очутилась сидящей на какой-то панели с приборами. Одна нога моя легла на штурвал. И завертелась карусель.

По-своему качался катер, а я качалась по-своему. И укачало меня все это на славу. Аж дух перехватило. Надо признаться, первый раз на море сексом занималась. Что-то в этом есть... А может, и не в море дело.

Недаром мне Лешка сразу понравился. Не зря за него билась. Мужик! Здоровущий, обожмет так, что сок течет. Сразу делаешься бескостной, перинной – самое то для этого занятия. Остается только визжать от удовольствия. Впрочем, и про дело я не забывала.

Почти до самого рассвета мы с моим миленочком проторчали в этой будке. Целовались, обжимались, а потом по новой трах-тарарах... В общем, двух зайцев я убила. Наповал.

Измученные, спать мы пошли к нему на койку. Ему отвели место в купе, где еще Вовка был. А мне, кстати, сватали спать в купе с Мишкиной Танькой. Ну и правильно, что не сосватали. Вовка не проснулся от нашего прихода. Спал как сурок. Ну да мне это и лучше. Не проснулся он и утром, когда мы поднялись и пошлепали на палубу...

Посеревшее лицо Борисыча было каменным, мертвым, похожим на маску. Наконец старик справился с собой, откашлялся и преспокойно подытожил:

– Итак, бандитам нужен один из нас. Причем какой-то крутой. Других отправят в расход. Так надо понимать... – Он резко повернулся к Татьянинному патрону и почти весело поинтересовался: – Мишка, ты, что ли, крутой у нас?

– Ты ничего не напутала? – ухватил Алексей Татьяну за прозрачный рукав платья.

– Как я могла напутать, ну как?... – Татьяна внимательно наблюдала за реакцией Борисыча. Потом перевела вопросительный взгляд на шефа. Шеф недоуменно посмотрел на переводчицу и вдруг хлопнул себя по лбу:

– Ну ясный хрен, я им нужен! Влипалово! Натуральное влипалово! Какой я лох! – Миша заметался по камере. – Как лоха развели... Дешево как... Упаковать и выколотить... “Крутой”... Суки! Козлы! Бараны! – Он с размаху вмазал ногой по стене. Шлепанец с ноги слетел и упорхнул в угол.

– Зачем ты им? – Вопрос Любы содержал примесь презрения.

– Зачем?! Ты!.. Ты не догоняешь – зачем? Расписать тебе по-белому – зачем? – Миша яростно тыкал босой ногой в сбежавший шлепанец. И не попадал. – Рассказать, каков оборот фирмы? А сумма панамского контракта? Думаешь, они не знают? Обтрясти фирму на бабки, вот что им нужно! Взять на шару несколько лимонов!

– Да кто за тебя заплатит...

– Вот именно! Ни хрена они не рубят! Они думают, я совладелец и миллионер, у меня бабки есть. А собери мои наличку, хазу, тачку, дачу, катер – что выкатится? Хрен под горку выкатится, даже лимона не наберется! Даже то мое, что в фирме шелестит, – херня, да никто и не отдаст. Они вбили, что я миллионер. Е-мое, так влипнуть... – Он наконец сумел надеть шлепанец и теперь мерил узилище шагами, задевая сокамерников покатыми плечами.

– А если предположить, что им нужен не Михаил, – сказал Борисыч, взяв себя в руки, – есть еще среди нас человек, кем могли бы заинтересоваться мафиозные структуры?

Все посмотрели друг на друга.

– А с наркотой никто не повязан? Ну-ка разбудите этого типа. – Алексей показал на Вовика.

Михаил, оказавшийся ближе других к Вове, пнул его. Пнул легко и безрезультатно.

– Тоже мне – “крутой”, – мрачно прокомментировал Михаил.

– Он мог быть перевозчиком, – предположил Алексей.

– Вряд ли, – тихо возразила Татьяна. – Он говорил вроде, что будто бы химик какой-то. Или биолог, что ли...

– А биологи курьерами не бывают? – пожал плечами Алексей. – Или химики? А если химик, может, он какую новую наркоту изобрел...

– Химик, блин, – сквозь зубы прорычал Михаил. – Биолог... Ну я щас этого ботаника...

– Миша, остынь, – устало бросил Борисыч и принялся обмахивать потное лицо кепочкой. – Перевозчиком мог быть любой.

– Ой, – вдруг пискнула Люба и прикрыла рот руками. – Может, я... – ее глаза округлились, – я им нужна? Слушайте, о Господи! Ты сказала – Эскобара?

– Выкладывай, ну, живо! – взял ее за плечи Алексей и придвинул к себе. – Тихо и внятно. И без воплей мне.

– Я вот что подумал. Не о том мы говорим... – встрял Борисыч.

– погоди, отец, – остановил его Алексей и снова повернулся к Любе: – Ну?

– Я, это... я, Леша, жила в Панаме с одним мужчиной...

– Сколько ты уже торчишь в Панаме?

– Пятый месяц. Три дня в Ла-Пальме. А до того в Читре.

– Зачем ты вообще сюда приехала?

– К Габриэлю.

– Что за хрен?

– Ну-у... Панамец один... А может, и колумбиец.

– Ты что, не знаешь?

– Черный и черный. Говорит по-ихнему. Я в Свердловске в одном “ночнике” танцевала. Там и познакомились. Ну, пообщались недельку... Потом он меня вызвал в Панаму. Чего еще?

– Ты что ж, по-испански сечешь?

– Ничего я не секу.

– Он по-русски, что ли, сек?!

– Нет! – взвизгнула Люба. – И не надо повышать голос, я тебе не жена!

– Оставь свои бабские штучки. Здесь вопрос жизни и смерти. Отвечай коротко и четко.

– По-английски! По-английски мы говорили! Я так... немного в училище, потом курсы, в тот “ночник” без знания языков не брали... перед поездкой немного подучила еще... А он не лучше моего. Короче, понимали друг друга. – И с вызовом закончила: – Да и не очень мы с ним болтали, все больше делом занимались.

– Уф, ну и духотища тут у них, – невпопад выдохнул Леха. – Кто он? Чем занимался?

– Пустышку тянешь, – вмешался Михаил, который бросил возиться с Вовой, едва завязался этот интересный разговор.

– Не лезь! Кто он?

– Говорил – по бизнесу. Не проверяла. Богатый, по местным меркам. Квартиру не дешевую мне снял. Целыми днями пропадал, приходил вечером или только на ночь. Однажды летал в Колумбию. Точно! Говорил, что там часто бывает. Вообще похож на мафиозного. Таинственный.

– Так бандит или нет?
– Да не знаю я, не знаю! Пистолета не видала.
– Ну и на хрен ты нам все это рассказываешь, не пойму!
– Сбежала я от него, понимаешь ты?! Вот в чем дело. Об этом и рассказываю. Сбежала от него... в Ла-Пальму.
– Сбежала? Натурально? – удивился Михаил.
– Да.
Леха, едва сдерживаясь:
– Деньги, бумаги, вещи его не брала?
Люба:
– За кого ты меня принимаешь?!
Леха, все еще сдерживаясь:
– За труп. В который скоро превратишься. И мы вместе с тобой. Отвечай, овца, брала или нет?
Люба, не вполне твердо:
– Ничего не брала...
Леха, взревев:
– Говори, коза!
Люба, чуть не плача:
– Только деньги, которые он мне дал. Когда я приехала, он пачку выдал. На, говорит, трать, развлекайся. Их и взяла.
– Сколько?
– Там оставалось пятьсот. Долларов.
– Ха! – воскликнул Михаил и с улыбкой оглядел стоящих рядом. – Пробили, из-за чего разборки-то начались!
– Ты его не знаешь. – Люба повернулась к Мише. – На деньги ему начхать. Из ревности мог свою мафию поднять.
– Так, мне все ясно. – Леша отошел от своей ночной возлюбленной и нервно заходил по камере, засунув руки в карманы обвислых тренировочных штанов.
– Зачем от него срыла-то? – поинтересовался Миша.
– Надоел, – то ли объяснила, то ли отмахнулась женщина.
– Не о том мы говорим, – снова взял слово Борисыч. – Если их интересуется один из нас, а других они собираются пустить в расход, то какая нам, в сущности, разница, кто этот один? Допустим, Михаил. Или пускай некий перевозчик наркотиков. А что делать пятерым непричастным? Умереть? Я, как человек из этой пятерки, обеспокоен своей судьбой, а не какого-то избранника мафии.
– Миха, да разбуди ты его наконец! – вдруг прекратил расхаживать Алексей и вытянул руку по направлению к Вовику.
– Сам буди, – огрызнулся Миха. – Будильник нашел...
– Я вот подумала сейчас, – сказала Татьяна, – те, за дверью, – люди из низшего звена. Они слышали звон, но поняли его по-своему. Может быть, дела обстоят не так. И мы обыкновенные заложники обыкновенных террористов. Как в фильмах. Чем нас больше, тем террористам лучше. Будут держать нас взаперти и что-то у кого-то требовать.
– Ты же сама говорила... – развел руки Михаил.
– Я ничего не утверждала, я передала то, что слышала.
Опять вступил Борисыч:
– Хорошо бы так. Хотя тоже ничего хорошего. Но мы, мне кажется, должны исходить из худшего. Иначе может быть поздно что-либо поправить.

– Что ты предлагаешь? Бежать? – оказался рядом со стариком Алексей, бросив заниматься Вовой. Бросил, впрочем, уже добившись успеха. Леха поднимал его, тряс, ставил к стене, отпускал, опять ставил, и – Вова проснулся. А проснувшись, тут же заявил о себе:

– Мужики, у меня в черепае туман, растолкуйте...

– Во, ты хотел его разбудить! – обрадованно вскричал Миша. – Вот он!

– Всем тихо! – скомандовал Леха. – Сбежать было бы неплохо, отец, но как?

– Мужики, – снова затынул Вова, – а, мужики...

– Слушай, иди... – Леша подумал. – Иди посмотри в пакете, может, курево найдешь. Ты соображаешь, отец, у них у каждого по стволу! Как бежать?

Миша хотел было взбрыкнуть по поводу того, что кого-то откомандировывают копать в его пакете, но потом махнул рукой.

– А если взаправду им нужен один? Других перестреляют, – сказала Люба, и в ее глазах опять заблестели слезы.

– Народ, гля, че я надыбал! – страшным голосом вдруг заорал Вовик.

Агент “Неваляшка”

Мне виделось, что морская прогулка – чуть ли не счастливая случайность, дававшая отсрочку неизбежной развязке или даже снимавшая ее неизбежность, что на катере я уведу “персону” из плотного, сужающегося кольца... Колумбия-то рядом, точка изъятия – в двух шагах... Оказалось, все не так. Оказалось, что прогулка была умело сконструирована. Очень умело. И финал ее застал меня врасплох. Времени не хватило отправить донесение, и это самое скверное в создавшейся ситуации. Хотя одно положительное обстоятельство все же имеет место быть: “персона” подконтрольна, я рядом с ней. Отпускать ее от себя никак нельзя. А надо изо всех сил играть залегендированную личину. И носа из-под нее не казать. Быть именно тем человеком, за кого я себя выдаю. Поступать как этот человек. Говорить как этот человек. Даже думать. Чтоб ни у кого не возникло и тени сомнения. И вот почему.

Как неведомый противник сумел так лихо подчинить себе “форс-мажор”? Пьянка – материя капризная, может повернуть в любую сторону. Хорошо, пускай катер и панамец были нам подсунуты. Но ведь вторую половину ночи и до десяти утра Энрике в рубке не было! Катер вели пьяные люди, по своей вроде как прихоти поворачивая штурвал. И выйти точно к месту атаки не могли. Такого не бывает. Значит, напрашивается вывод: все-таки катер оказался там не случайно. Кто-то доложил на берег о курсе “Виктории”... Выходит, кто-то из нашей компании? Кто? Вот почему его сразу не отделили от нас, я понимаю. В лицо его знают, как говорили охранники, только двое: дон Мигель, он же Маэстро, и дон Эскобара, он же Падре.

И еще одно. По крайней мере, вопрос о том, из какой хреновины подбили “Викторию”, можно считать отпавшим. Подозрительный железный ящик, который солдатня погрузила в грузовик вместе с нами, очень сильно смахивал на родимый ракетный комплекс “Тритон-210”, предназначенный для точечного поражения целей любого масштаба. И если у моего противника имеются такие возможности...

Ладно. Назовем определение мистера Икса задачей номер два. Именно поэтому мне сейчас нельзя раскрываться. Пока у меня есть фора: он (или она?) понятия не имеет о моем существовании. А задача номер один – прежняя: “персона”, ее сохранность, подконтрольность и спасение.

Кто-то сидел на циновках, кто-то стоял, наклонившись, но все рассматривали находку Вовика. То, что он обнаружил в пакете.

Доллары. Увесистая пачка, завернутая в мокрые Мишкины плавки. Мишка шумно поскреб пятерней бритую голову и смущенно хихикнул:

– Штука там. Точняк. Я и забыл, как сунул. Хе, надо же! Подмокли, зелененькие...

– Ну что вы делаете? – рыдающим голосом спросила Люба. – О чем вы говорите? Надо же что-то делать, мужики вы или тряпки?! Ну придумайте что-нибудь! Нас же убьют! Бежать надо!..

– Может, подкупить охрану? Здесь это большие деньги, – не обращая на ночную подругу внимания, предложила Татьяна.

– Хрена, – отрезал Мишка, – они бабки чисто себе заберут.

– Татьяна, ты бы не отвлекалась, слушала, о чем они там говорят... – всхлипнула Люба. Татьяна молча отошла от тесной группки соотечественников.

– Правильно, – одобрил Борисыч, – не помешает. Что все-таки делать будем?

– Кормить и выгуливать нас не станут, – задумчиво протянул Алексей. – До приезда ихнего пахана дверь не отопрут. На фига? Значит, надо, чтобы они открыли дверь. Эти двое.

– Нет, я так больше не могу, не могу... – вновь заплакала Люба.

– Ты хочешь сказать – напасть и обезоружить. – Борисыч снова нацепил кепку на голову. В глазах его замерцал непонятный огонек.

– Это что, тюряга? Во засада... Какое сегодня число, а, ребята? – вдруг обеспокоился Вовик.

– Увянь, ботаник, бля! – гавкнул на него Михаил. – Вы че, мужики, в натуре свинитить отсюда собрались?

Алексей ответил:

– А чего гадать – “стрельнут, не стрельнут”? Эх, как бы их дверь заставить открыть...

– Ты занимался чем или на силу надеешься? – спросил Борисыч у Лешки.

– Мордобоем в Мурманске занимался по малолетке. Ну вообще-то на корабле ребята показывали кой-чего. Боцман у нас самбист был. Учил помалу, от не фиг делать. А сила... Чего сила? Не обижен вроде. – И, подумав, добавил: – Двоих вырублю. С виду они тут все хлипковаты.

Вернулась Татьяна.

– Молчат, будто уснули. Побег задумываете, слышу.

– Какое сегодня число? – опять влез Вовик.

Но на Вовика теперь внимания обращали не больше, чем обращают, скажем, на радиоточку, которая гнусаво мямлит что-то в углу на кухне.

– Ребят, вы серьезно? – Теперь этот вопрос поступил от Любы.

Агент “Неваляшка”

Другого выхода пока нет: необходимо убедить их бежать, потому что я знаю: боевикам действительно нужен только один из нас. И не сомневаюсь, кто именно: моя обожаемая “персона”. Потому что это уже перебор – заваривать такую кашу из-за кого-то еще. Другие – лишь опасные свидетели в игре на большие ставки, и жалость в ее правила не входит. Меня и еще четверых расстреляют (пардон, может, всего лишь троих, так как один (или одна) предположительно из команды соперников). Поэтому если и суждено умереть – впрочем, моя работа предусматривает постоянную готовность к такому исходу, – то прежде надо использовать все шансы выжить. Я вижу на данный момент единственный шанс: побег до прилета Маэстро на базу.

Необходимо убедить остальных. Но инициатива должна исходить не от меня. Или не только от меня. Если в команде имеется засланный казачок, то нельзя обращать его внимание на себя. Он наверняка раскроется, если попытается помешать побегу. И тогда я его увижу. И упредительно зайду со спины.

– Это, Леша, глупости из фильмов – все эти заболевшие животы и доллары за глоток воды, – говорил Борисыч. – Не сработает. Не идиоты же нас пасут. Надо иначе действовать... Конечно, стопроцентный план мы не изобретем, но с высокой вероятностью удачи, думаю, придумать в состоянии.

– Чего-то придумал? – быстро спросил Мишка.

– Да, забрезжила одна идея. Так, пока только эскиз...

– Ну, говори, говори, – подбодрил Алексей.

– Скажу, конечно. Представим себе этих людей, что поставлены нас охранять. Психологию часовых, так сказать...

– Отец, давай сразу по делу, а? – Лешка притопнул ногой в замшевой туфле.

– Не всегда нужна спешка, Леша, не всегда, – размеренным менторским тоном ответил Борисыч. Будто время тянул. – Итак, они не боятся нас, безоружных и с виду бестолковых, зато очень боятся своих главарей. Это банда, и законы у них суровые, расправа быстрая.

– Батя, а ты не из тамбовских пацанов будешь? – хохотнул Михаил.

– Часовым наверняка дано строгое предписание не открывать камеру, – пропустил его слова мимо ушей старик. – По крайней мере, без разводящего. Без, так сказать, начальника караула. Старшего, иными словами. Или, возможно, открывать только в присутствии имеющегося на данный момент главаря. Или по прибытии так называемого Маэстро.

Алексей демонстративно тяжело вздохнул, но промолчал.

– И даже сотня долларов за стакан воды, что ты предлагал, не заставит их отпереть дверь. Потому что, узнай об их проступке старший, они могут потерять гораздо больше.

– Смотри главу о суровых расправах в банде, – вставила Татьяна.

Борисыч с укоризной бросил взгляд на девушку и продолжил:

– Однако мы можем использовать то обстоятельство, что, по их мнению, этого загадочного Маэстро интересует только один из нас и они не знают, кто именно. Но они уверены, что этот неизвестный представляет для Маэстро огромную ценность.

– Ну и что, что? – прорвалось у Алексея нетерпение.

– А теперь я перехожу собственно к плану...

Аккорд четвертый Искусство убегать

Легкий двухмоторный спортивного класса самолет поднялся с аэродрома в пригороде Медельина. Его пассажир бросил взгляд на удаляющееся летное поле аэроклуба “Новая Гра-нада”, принадлежащего семье дона Асприлья – семье, близкой его собственной не только общими интересами и делами, но с недавних пор и кровно. Месяц назад они породнились. Свадьба его сына Антонио и Хуаниты, дочери дона Асприлья, прогремев оркестрами и фейерверками, отшумев фонтанами вина и заздравных криков, упрочила давний деловой союз семей.

Пассажир самолета всегда ценил хитрого и удачливого Асприлья-старшего, умевшего балансировать на тонкой ниточке между законом и тем, что законом преследуется, умудрявшегося приятельствовать с официальной властью и властью подлинной и наживать на этой дружбе капитал. И балансировал он столь ловко, что нет-нет да и возникнет подозрение: а уж не заключил ли старый прохвост контракт с самим Дьяволом?..

Пассажир, он же Мигель Испартеро, тот, кого некоторые называют Маэстро, отвернулся от иллюминатора. В следующий раз он посмотрит на землю уже на подлете к базе Диего Марсиа.

Кроме пилота, с доном Мигелем летели двое телохранителей. Он мог бы обойтись без охраны в этом простом путешествии, но сегодня секьюрити должны будут сопровождать еще одного человека, ради которого, собственно, путешествие и было затеяно. И не только путешествие. Он мог бы не лететь сам, а послать любое доверенное лицо, того же Антонио например, которому пора заканчивать с медовым месяцем и возвращаться к делам. Однако Мигелю позвонил сам дон Эскобара, тот, кого некоторые называют Падре, и попросил все сделать лично.

Заинтересованность Падре в этой русской особе возрастала с каждым днем. Мигель, один из немногих достоверно знающих, для чего она понадобилась боссам, был, разумеется, польщен, что его берут в новое, сулящее хорошие перспективы дело, но с другой стороны – из подвала тянуло холодком. Да, из того мрачного подвала его сознания, где притаились предчувствия, предрассудки, необъяснимые страхи и память о том, чего никогда не было, отчетливо веяло холодом. Дон Мигель ощущал этот холод с тех пор, как его втянули в это предприятие. А ведь раньше всякий раз, когда накатывало это леденящее покалывание в теле, впереди непременно поджидали неприятности. Незаурядной интуицией, видимо, наградила его бабка, которая однажды предсказала землетрясение в родном Бунавентуре и тем спасла жизнь себе, близким и поверившим ей соседям. Так гласит семейное предание. Дон Мигель тоже привык доверять своей интуиции. Но... Его втянули в дело с русскими, и отказаться он не мог. А если б и мог... то все равно бы не смог. Потому что банк в случае удачи можно сорвать преизрядный, и он никогда себе не простит, что упустил такую возможность.

Дон Мигель вылетел на два часа раньше запланированного, отменив в высшей степени важную встречу с одной шишкой – членом правительства. Поступать столь опрометчиво, может быть, и не следовало, но он захотел поскорее покончить с русскими, сбросить с себя ответственность, перестать думать об этом и избавиться от неприятных, давящих ощущений.

– ...Я не перебивала, пока вы обсуждали, но вот вы сказали... Вы не оговорились, назвав это, – Татьяна взмахнула руками, – гауптвахтой?

– Я думаю, – кивнул козырьком Борисыч, – что здание строилось как гауптвахта, а не как тюрьма. Если б, Танечка, планировалась тюрьма, дверь не поставили бы столь непроду-

манно. Вы заметили, что она открывается внутрь? Рискованно для острога, не находите? А для “губы” сойдет. Далее...

– Да погодите вы с беседами, е-мое, – возмутился Алексей. – Никак все обговорили? А если у меня что сорвется, на кого надеяться? На Мишку? Мишка, ты можешь чего?

Михаила заметно коробило от “Мишки”, но он решил до поры задвинуть эту тему. А на вопрос ответил, что, мол, не спецназ, но в шар могу закатать реально. И с нажимом добавил: “Кой-кому”.

– М-да, – покачал головой Алексей.

– Я тебя подстрахую, – вдруг вызвался Борисыч. – Хотя гарантировать ничего не могу: возраст.

– А ты что, дедуля, часовых снимал? – К этому времени в разговоре участвовал и Вовик, и к нему теперь даже иногда прислушивались.

Борисыч смущенно крикнул, потер пальцами губы, повел головой:

– Снимать не довелось. Самого меня снимали как часового – это да, было. Спасибо, живым оставили.

– В войну, что ли? – обалдел Вовик.

– Именно что в войну, – усмехнулся Борисыч.

– Так сколько ж тебе лет, батя? – изумленно вскинулся Михаил.

– Так много. По молодости меня снимали... а на закате сам вот собрался. По кругу ходим, едрить ее в кольцо...

– Стойте! – вскрикнула Любка. – Сколько прошло? – И сама посмотрела на часы, которые только у нее и имелись. – Полтора часа. Через два, ну, то есть уже через полчаса, наших часовых сменят. Понимаете?

И она замолчала, закусив костяшки больших пальцев.

– Она права, – посерьезнев, поднялся с циновки Борисыч. Аккуратно, а на самом деле нервно отряхнул брюки и рубашку от налипшего мусора. – Новые могут и не быть уверены, что Маэстро нужен лишь один из нас. Начинаем!

Настала тишина, будто, дернув рубильник, выключили все звуки. Тишину нарушила Татьяна:

– Мне вдруг в голову пришло... Мы не подумали вот о чем... Если нас ждали здесь, значит, нас *завезли* сюда... А кто завез? Энрике? Но почему тогда его убили?

Любовь открыла было рот, чтобы ответить, но передумала.

– Вот потому и убили, что свидетелей мочат. Отработал свое – и привет, – охотно поддержал беседу Михаил – не исключено, чтобы оттянуть время их смертельно опасной затеи. – Как и у нас. Панамец, сука, и пил небось, чтоб мы фишку не прорубили.

– Ребята, – заканючила Люба, – время...

– Все, конец базарам, – твердо сказал Алексей. – По местам.

Хорхе поглядывал попеременно то на часы, то на клюющего носом Пабло. Хорхе не знал, кто их меняет, и молил Бога, чтобы не Хосе с Раулем, эти недоноски, которые любят составлять пару. Которым самое место на банановой плантации, а не в боевом подразделении. Они, эти два идиота, без приказа свои грязные задницы не поднимут. А если вовремя им не прикажут, так Хорхе и Пабло проторчат на этой вонючей ступеньке вонючего крыльца дьявол знает сколько. Прости, Господи, что поминаю нечистого всеу. Но мы и так опоздали на первый тайм, а играют на кубок Либертадорас “Сан-Паоло” и “Бока Хуниорс”, – вчера не посмотрели впрямую, так хоть в записи бы увидеть...

Хорхе в очередной раз расстроился из-за того, что не додумался запрограммировать видео на запись матча. Какая промашка...

Он не в первый раз поднялся с единственной, но высокой деревянной ступеньки, добрел до угла гауптвахты, выглянул. Никого. Никто не двигался к их посту. Самое пекло, все сидят в казарме, в холодке. Сиеста.

Он собрался продолжить замысловатое ругательство, но вовремя вспомнил про обет, который наложил сам на себя после излечения от очередного триппера, – не сквернословить два месяца. Горестно вздохнув, Хорхе вернулся под козырек, вновь опустился на ступеньку, прислонился спиной к двери. Пабло будить не стал, пускай подремлет. В последнее время напарник из-за головных болей мучается бессонницей. Сказывается та вылазка в городок... как его там?... Когда они вместе с ребятами из Ревармии захватили его и удерживали несколько дней, пока их не выбили правительственные войска. Что там стряслось, Пабло не рассказывал. Не ранили и не контузили – это факт, но головные боли он заполучил нешуточные – это тоже факт.

За дверью раздались скрежет, громкие голоса. Потом изнутри донесся истошный, протяжный вопль. И сразу же в дверь ударили с такой силой, что Хорхе вскочил со своего места. Пабло открыл глаза. В дверь забарабанили. Потом послышались крики, возня какая-то, опять крики, женский визг.

– Беспокойные эти русские, – повернулся Хорхе к Пабло.

Пабло встал, открыл “глазок”, заглянул внутрь.

– Хорхе! – изумленно выпалил он. – Святая Мария, что они делают!

Хорхе плечом отодвинул Пабло и посмотрел сам.

Единственное окошко гауптвахты располагалось как раз напротив двери. К окошку русские подтащили железный бак для дерьма, перевернули его. К решетке окна приладили чей-то ремень, свободный конец которого свисал петлей. И в эту вот петлю, с трудом умещающуюся на дне бачка, ставшего его верхом, двое русских мужчин просовывали голову третьего. Тот мотал головой, истопленно кричал, вилял всем телом. Руки и ноги его, судя по всему, были связаны. Все шло к тому, что вот-вот его голова окажется в петле.

– Вешают! – с непонятной интонацией выдохнул Хорхе.

– Того самого, – убежденно поддакнул Пабло, – про кого я говорил. Точно. Мстят. Из-за него они все сюда попали.

– Нас потом самих повесят! Надо вмешаться!

– Выведем его! Потом ты постережешь его, а я сбегая за Диего. – Пабло сорвал автомат с плеча.

– Давай так. Я захожу внутрь, ты стоишь у порога. Стреляй в крайнем случае. Сначала в потолок. В самом крайнем – по ногам.

– Вмажь им прикладом, Хорхе, хорошо вмажь!

– Разберусь...

Хорхе еще раз глянул в глазок. Голова приговоренного сокамерниками проскользнула в петлю. Один из вешателей затягивал ее потуже. После чего им оставалось только спрыгнуть и выбить бак. Медлить было нельзя.

Хорхе отодвинул засов и распахнул дверь.

– Держи его. – Перепоручив Вову Михаилу, Алексей спрыгнул с параша. Спрыгнул, едва услышал шевеление запора.

Три шага по прямой. Раздался резкий короткий лязг – удар ограничителя о фиксирующую скобу. Засов отодвинут. Сейчас будут открывать дверь. Поэтому – немедленно вбок, под прикрытие двери.

Женщины стояли посреди камеры, но так, чтобы не заслонять обзор из глазка на страшную сцену повешения. Они ревели, визжали, кричали Михаилу, чтобы тот отпустил Вовика. Работали с перебором – кричать можно было что угодно, важно, чтоб по-русски, хоть “Слава

КПСС”. А вот сейчас им предстоит главное. Как только отворится дверь и покажется часовой, они должны отвлечь его на себя.

Борисыч, заняв позицию в полуметре от дверного проема, сидел на корточках. “Если старик подкачает, – подумал Алексей, – все может накрыться”.

Дверь отскочила, распахнутая толчком. Женщины взревели, простерли руки навстречу пока невидимому Алексею часовому, переместились вперед и вбок, как и было задумано, перекрыв караульному обзор. “Молодец Борисыч, – проскочила у Алексея похвальная мысль, – дело придумал. То, что одного у окна не хватает, насторожило бы гадов”.

Из-за края двери выглянуло автоматное дуло. Оно ходило вверх-вниз под крики на испанском. Алексей следил за этими покачиваниями, как завороченный. Понимал, что пора начинать, но был не в силах сдвинуть себя с места. “Амба, фраер! На абордаж!” – подхлестнул он себя.

И начал.

Шаг вперед, рука летит к стволу, пальцы обхватывают нагретый солнцем металл. И – рывок на себя. Не очень сильный. С тем чтобы вторая рука подхватила автомат под магазин. И – теперь уже изо всех сил.

Алексей вложился в рывок. Вложил всю злобу и силу. Рванул так, будто за тот конец автомата держался человек из чугуна, а не из мяса и костей.

Кряжистая фигура в пятнистом камуфляже сотрясла плечом дверь и вылетела на Алексея вслед за автоматом. Мелькнули перекошенная физиономия и отделившийся от общей массы кусок грязно-зеленой материи, оказавшийся кепкой с длинным козырьком.

Человек в хаки валился Алексею в ноги, увлекая за собой и автомат, ремень которого, выпущенный на всю длину, висел у того на плече.

Алексей не мог выпустить ухваченное оружие и упал вслед за часовым, прямо на него. Караульный обрушился на пол боком, но, придавленный сверху, очутился на спине. Автомат, издав несерьезное звяканье об бетонный пол, лег рядышком со своим владельцем.

Хорхе ничего не понял. Потому что не ожидал подвоха. Хоть и не был расслаблен. Мир перекошило, оружие вырвалось из рук, плечо приняло удар, мир в глазах закружился. Едва он успел осознать, что лежит на полу, как темное пятно накрыло сверху, а живот и колени приняли на себя чужую тяжесть. Хорхе не был готов к столь коварному нападению русских, казавшихся полными олухами. Но он был готов к борьбе как таковой. Хорхе даже не думал, что ему делать, – пальцы сами вцепились в автомат, ствол которого упирался ему в подмышку. Автомат сейчас означает жизнь, а грязная вонючая гауптвахта ясно виделась Хорхе распутьем судьбы, откуда отходят три дороги: в рай, в ад и на базу, ко второму тайму футбольного матча. Где же Пабло, дьявол его заберет...

Алексей перехватил у запястья метнувшуюся к оружию руку испанца (“Или ты у нас колумбиец? Да по барабану”...). Сразу же прижал локоть второй руки к полу. Не дать завладеть автоматом. Это главное. Прозвучит выстрел – и все станет совсем плохо. И так хорошего мало. Борьба затягивается. Спина и затылок Алексея в любой момент ждали приклада или выстрела. Но он ничем не мог спасти себя от угрозы сзади. Пока не управится с этим, на полу.

Колумбиец выгнулся, стремясь перевернуться и сбросить с себя русского. Алексею пришлось почти лечь на маленького, но жилистого латиноса, прижимая того к полу. Внезапно Лешка выпрямился, одновременно освобождая и приподнимая правую руку. И с короткого замаха направил кулак в украшенную короткой бородкой челюсть.

С боксерской реакцией колумбиец дернул головой, и кулак, лишь скользнув по щеке, врезался в бетон пола. Костяшки пальцев пробила боль. Алексей отдернул руку, встряхивая кисть, и увидел пальцы боевика уже в районе приклада. Каким-то невероятным акробатическим перемещением всего тела он опустил колено на выглядывающую из камуфляжа ладонь,

перекрывая ей доступ к спусковому крючку. И тут же почувствовал, что солдат выскальзывает из-под него. Борьба не просто затянулась, а немислимо, погибельно затянулась.

Алексей не сразу понял, что произошло. Чужие пальцы накрыли искаженное натугой лицо колумбийца, скрючились, длинными ногтями впиваясь в глаза. И истошный визг, который тут же дополнился криком часового на полу: “Убей его!” – визг этот перешел в вопль.

Вопила Любка, чьи пальцы раздирали глаза солдата. Алексей освободил руки врага, которые тут же метнулись к лицу – спасти глаза, отвел правое плечо назад и уже с полноценного размаха всадил онемевший кулак в подбородок часового. И еще раз. Еще, еще. Бил до тех пор, пока тело под ним не перестало извиваться, а голова латиноса не легла бесчужденно щекой на бетонный пол.

– К Борисычу, быстро, быстро, быстро... – хрипел Алексей, стаскивая автомат с нокаутированного часового. Стаскивая и бормоча как заклинание свое “быстро”, он поймал себя на мысли, что выстрелов-то никаких не слышал. Будто все в порядке?

Пленники исходили из того, что Алексею сразу удастся завладеть оружием часового и нейтрализовать того прикладом или кулаком. А затем он переключится на второго. В задачу Борисыча входило не дать второму выстрелить даже в воздух. Если не Леха, то другие мужики должны были немедленно прийти на помощь именно Борисычу. Предполагалось, что последние, едва каша заварится, бросают свой спектакль к чертовой матери и мчатся к двери...

Но вышло не так. Получилось все очень странно и глупо.

Михаил продолжал изображать из себя вешателя до тех пор, пока от двери не послышались вскрики и шум борьбы.

– Понеслась, – подсказал Вовик, чья голова красовалась в ременной петле.

– Давай за мной, – бросил ему Михаил, соскакивая с параша. И в спешке наступая на край железного бака.

Бак перевернулся и откатился. А Михаил упал, растянувшись на смердящих кислотной цинковках. Пропала секунда – одна из тех, на которые шел сейчас счет в помещении гауптвахты. Вскликая, он слышал сдавленно-хриплое: “Урод!.. Спасите!..” – и агоническое шарканье по стене.

Обернувшись, Михаил увидел, как Вовик, схватившись обеими руками за короткий поводок ремня, подтягивает себя вверх, перебирая ногами по стене.

Секунда ушла на осмысление того, что делать, куда бежать. За эту секунду лицо Вовика заметно побагровело.

– Танька, дура! – заорал Михаил дурным голосом на бегу. – Вытаскивай этого мудилу! Бак кати под ноги!

Татьяна стояла как вкопанная, полные ужаса глаза ее были устремлены на возившихся на полу Алексея и колумбийца. Девушка, похоже, не слышала своего начальника и бойфренда.

– Вовка!!! – совсем уж диким голосом прокричал Михаил в лицо подруге, подскочив к ней и толкнув к окну. После чего уже без задержек рванул на улицу, где должен был находиться Борисыч. Впрочем, и той задержки, что состоялась, могло хватить на что угодно...

В камеру зашел всего один часовой, второй остался за порогом, и его Борисыч не видел. Как далеко этот второй от двери? Нет, далеко он быть никак не может. И решится ли Алексей? Борисыч знал, что в такие мгновения, когда твои поступки сопряжены со смертельным риском, человека парализует и вырваться из паралича не многим удастся – несмотря на понимание того, что действовать надо, что иначе нельзя.

Алексей провел атаку молниеносно. Теперь и ему нельзя было медлить. Борисыч пружиной вышел из сидячего положения и выпрыгнул на улицу.

Если б он не прокручивал в мозгу свои действия, то мог бы и растеряться. Ему было неизвестно ни положение противника, ни его габариты, ни то, как и в какой готовности тот держит оружие. Но Борисыч настроил себя – что бы ни было, даже если дуло смотрит в его сторону, он летит на автомат. Сам часовой его интересоваться не должен.

Чего Борисыч не знал, так это того, насколько сильно болит у Пабло голова. Снотворные таблетки ночью спасали от бессонницы, но днем – от жары, что ли? – голова раскалывалась. Будто левую половину черепа кто-то отколупывал изнутри. Каждую ночь Пабло держался до последнего, надеясь, что сон придет сам собой, но потом не выдерживал и глотал чертовы пилюли. Все из-за старой монахини, которую он, видит Бог, случайно застрелил в том чертовом городишке. Первым ворвавшись в тот чертов дом, откуда раздавались одиночные, но очень досаждавшие воякам выстрелы из какого-то допотопного ружья, он стал палить по всем силуэтам без разбору. Кто ж виноват, что среди них оказалась монахиня. Виноват старый идиот, который от наводнившей город пальбы окончательно рехнулся и сорвал со стены охотничью одностволку.

Успокоиться Пабло с тех пор не мог. Он никогда никому не признавался, как боится попасть в ад. Раньше он надеялся, что ему простится пролитая кровь – как воину, делающему свое дело, которое кто-то должен делать в этом мире, и как примерному прихожанину, не скупающемуся на жертвования. А кто простит ему служительницу Господа? Как ему вымолить прощение, какими приношениями откупиться? С того самого дня монахиня, прошенная автоматной очередью, являлась каждую ночь, и ночи превратились в кошмар, а дни – в головную боль.

Не знал Борисыч, вылетая из дверей гауптвахты, что Пабло успел бы выстрелить, если б не проклятая головная боль, замедлившая рефлексy.

Старик увидел второго часового сразу за порогом. В точно такой же камуфляжной форме, что и первый. Автомат в опущенных руках, у бедер, ствол повернут в сторону от дверного проема, палец на спуске. Борисыч прыгнул, обрушиваясь всем весом на поднимающееся оружие. И умудрился испытать краткое и явно досрочное ощущение победы, когда понял, что ему удалось выбить автомат из рук.

Борисыч упал на песок, накрыв собой оружие часового. И часовой от столкновения тоже повалился на землю. Но проворно вскочил, оказался на ногах первым, выхватил из ножен на поясе нож с широким лезвием и изогнутым острием. И незамедлительно атаковал. Единственное, что успел Борисыч, – это перевернуться на спину. Успел до того, как блеснувший в лучах клинок понесся ему в грудь. Его рука вылетела навстречу, согнулась в локте и подставилась под падающую руку с ножом.

И еще что удалось Борисычу и что тоже произошло неосознанно – он согнул ногу в колене. Иначе ему пришлось бы принимать рукой вес всего тела противника, а это вряд ли можно сделать одной рукой. А так, огибая выставленное колено, противник, чтобы не терять темпа, вынужден был сам упасть коленями на песок и из этого положения продолжать атаку.

Удар он смягчил, но не избежал его вовсе. Острие ножа дошло до груди и распороло наискосок рубашку, когда старик отводил руку с ножом. Тело, к счастью, не задело.

– Теперь мы еще посмотрим, чья возьмет, – сквозь стиснутые зубы выдавил Борисыч, ухватив руку колумбийца с зажатой в ней рукоятью ножа. И попытался выкрутить ее.

Почувствовал – горло будто сдавило клещами. Вторая рука, которая нашаривала уже под спиной автомат, метнулась к шее отдирая чужие пальцы.

Вывернуть руку с ножом Борисычу не удалось, солдат оказался нешуточно силен. И старику снова пришлось сдерживать опускающийся нож. Лезвие то плясало перед самыми глазами, то его удавалось отодвинуть, то оно возвращалось, то колумбиец делал попытку вырвать руку с ножом из захвата, и этого тоже нельзя было ему позволить.

Он продолжал удерживать нож и отдирать пальцы от горла. Силы таяли. Охранник был все-таки намного моложе.

“Где же остальные?” – одна мысль пульсировала в мозгу Борисыча.

“Где там Хорхе?” – думал в это время Пабло.

И вдруг поднялась песчаная буря. Песок засыпал глаза, веки рефлекторно закрылись. Песок попал и в рот, закрипел на зубах. И продолжал сыпаться. Борисыч попытался открыть глаза, но резь и хлынувшие слезы заставили веки вновь сомкнуться. “Конец”, – сердце сжалось комком.

Выскочив за порог на песочную поляну перед тюрягой, Михаил остановился, наткнувшись на пытящую внизу парочку. Бросил взгляд под ноги, затем кругом. Где же автомат?

– Сейчас, батя, сейчас... – Михаил продолжал озиаться, не понимая, куда подевалось оружие. – Чем же огреть тебя, морда?

Внизу опасно отсвечивал металлом нож, и им владел не Борисыч. Тормозить больше было нельзя.

И Михаил сделал то, что первым пришло на ум. Загреб, сложив ладони ковшиком, песку и швырнул в лицо латиносу.

Что все без толку, Миша понял по тому, как вовремя дернул головой и закрыл при этом глаза проклятый папуас. Тогда он запустил вторую порцию песка и третью и, наконец оценив бессмысленность своей “артподготовки”, набравшись злости и решимости, заехал ногой в камуфляжную спину. И тут же отскочил. С ударной ноги слетел пляжный шлепанец. Вторую атаку Михаил провел босой пяткой.

Именно этот его выпад чуть не прикончил Борисыча.

Рука колумбийца с ножом, получив дополнительный толчок извне, продавила слабеющее сопротивление руки Борисыча, и заостренный металл вошел по самую рукоятку... Он вошел в то, что было под ним. Будь там человеческая плоть – вонзился бы в нее. Но, пройдя в миллиметрах от щеки старика, клинок погрузился в песок.

– Папуас! Чурка! Чмо! – заводил сам себя Михаил, в такт выплевываемым словам осыпая камуфляжную спину ударами. Раз часовой предпринял попытку повернуть корпус и поймать ногу в захват, но это ему не удалось, что еще больше раззадорило Михаила. Он осмелел настолько, что, подобравшись ближе, врезал уже рукой – в ухо.

Но колумбиец пока держался в борьбе на два фронта, не оставляя попыток достать ножом хотя бы старика.

Михаил увидел выскочившего на порог Алексея с автоматом.

– Леха, братан! – Миша аж подпрыгнул от радости. – Гаси его!

Алексей деловито примерился. Колумбиец, разглядев опасность, предпринял отчаянную попытку вскочить, но, удерживаемый за обе руки Борисычем, лишь отклонился. Что его не спасло. Приклад опустился на прикрытую кепкой голову. Он обмяк, повалившись на старика.

– Выгорело, Леха! Наша взяла! – развеселился Михаил.

Алексей вытер пот со лба, устало присел на корточки:

– Не вопи, давай лучше в темпе раздевай этого. – Леха кивнул в сторону часового на песке, из-под которого выбирался Борисыч.

– На фига? – не понял Миша.

– Да погоди ты... – Моряк оттолкнул бросившуюся с поцелуями Любку. – Ты по лесам голышом и босиком побежишь? Давай раздевай, короче. И забирай все что есть. Все сгодится. – Алексей поднялся с корточек: – Борисыч, ты как? Живой?

– Не знаю. – Старик осматривал порез на рубашке. – Крови нет. Вроде не задел...

– Любка, глянь, что там у него, и помоги Мишке, – бросил Алексей уже с порога гауптвахты.

В камере, на полу у параши, прислонившись к ней, сидел Вовик и растирал шею. В чем ему помогала стоящая рядом на коленях Татьяна.

– Кончайте с ерундой, – раздраженно приказал Алексей, подходя к первому часовому, живому ли, мертвому – неизвестно, но пребывающему в той же позе, что и после серии ударов кулаком. Наклонился над ним. Принялся расстегивать ремень. – Оба сюда. Быстро раздеть этого.

– Догола? – взлетели брови Татьяны.

– Трусы можешь оставить! – по-боцмански рявкнул моряк. – Надоели, ядрить вашу! Живо сюда!

Алексей сорвал с тела ремень с ножом в ножнах и подсумком с запасным магазином и вновь выскочил на улицу, опоясываясь на ходу трофеем.

Миша уже торопливо натягивал камуфляжные брюки на трусы с пальмами. На голове красовалась зеленая армейская кепка.

– Трофей, – страшно оскалился он, не попадая языком ремня в пряжку. – Солнце тут реальное.

Не удостоив богатея ответом, Алексей в два прыжка достиг угла гауптвахты и осторожно выглянул из-за него.

– Ну? – раздался за спиной голос старика.

– Да как будто тихо, посмотри сам. – Моряк уступил место Борисычу, на плече которого тоже висел автомат, а из кармана брюк торчал запасной рожок.

Тот посмотрел:

– Казармы далеко. Никто ничего, кажется, не слышал. Хотя покричали мы изрядно...

– Сейчас та смена придет, если Танька права...

– Джип видел?

– Ну. И что? На нем?..

– Вот думаю. На пути к нему никого. Рискнуть?..

– Не знаю. Давай к остальным...

Михаил поводил плечами в тесной ему камуфляжной куртке. Плейбоевский зайчик испуганно спрятался под полой.

– Берись, – сказал ему подошедший Алексей, ухватив часового за одну ногу. – Затаскиваем в камеру.

Тело в одних трусах и зеленой майке оставляло за собой на песке широкий, похожий на колею след.

– Все? – спросила Татьяна, застыв посреди камеры с грудой одежды в руках. Вовик рядом кашлял, ругался и по-прежнему потирал шею.

– Все, уходим, запираем, живо. – Алексей двинулся на выход.

– Стоп, стоп, “гринь” мои! – Михаил бросился к циновке, на которой белел целлофановый пакет.

Дождавшись самого богатого из компании, они задвинули засов. И почувствовали себя на свободе. Согласно предварительной договоренности, пленники намеревались скрыться в джунглях, до которых было от тюрьмы не более полуста метров, продраться по ним к побережью и двигаться далее в сторону Панамы по берегу. До первой деревушки или даже рыбацкой лодки. Тысяча долларов вселяла уверенность, что они смогут нанять не только лодку, но, подвернись, и самолет.

– Там, – махнул рукой Алексей, – под навесом джип. Метров двести. Пока рядом никого. Что делаем?

– А если ключей нет? – спросила Татьяна.

– Как нет? – яростным шепотом воскликнул Михаил. – На хера им забирать ключи? Да я и без них заведу. За минуту заведу, отвечаю! У самого “джипарь”, елки! Рвем!

– На машине шансов уйти больше, – согласился Борисыч. Поглядел на Татьяну и добавил: – Куртку наденьте, барышня, ботинки и штаны. Незачем в руках держать. Или Любе отдайте.

– Секонд-хенд... – поморщилась Татьяна.

А Борисыч уже повернулся к владельцу долларов:

– Миша, ты хотя бы куртку уступил дамам.

– На джипе мы быстро умотаем отсюда, – высказался Вовик.

– Я не знаю, я боюсь, но ехать-то надо... Леша? – Люба не сводила глаз с моряка.

– Рисуем, – подытожил Алексей и направился к углу здания гауптвахты. Остальные двинулись следом. – Пока никого. С одежкой разбирайтесь шустрее.

Любовь продевала руки в рукава куртки, которую отдал Михаил со словами: “Без нее лучше, бляха, а то не пошевелиться”. С Татьянинных плеч уже свисала великоватая для нее куртка, теперь она задумчиво рассматривала ботинки.

– Не в магазине, бабоньки, шустрее! – одновременно зло и умоляюще воззвал Алексей и взял руководство на себя. – Штаны – Любке, но полотенце не забудь. Любка, скидавай тапки, отдай Таньке, сама надевай ботинки, у тебя нога больше.

– Нормальная нога, тридцать восьмой, – обиделась Любовь, забирая ботинки.

Борисыч опять выглянул за угол и сообщил Алексею:

– Никого. На площадку, по которой нам бежать, выходит одно окно, обратил внимание? На нем жалюзи. Даже если нас увидят, какое-то время есть. Если Миша не подведет...

– Плюс два автомата, – напомнил Алексей. – Ну, наконец! Готовы? Значит, так. Мишка, бежишь первым, бабы и Вовка за ним. Мы с Борисычем прикрываем. Чтоб бежали как на стадионе. Ну? Дернули!

Аккорд пятый

Салочки на свежем воздухе

Иногда и двести метров – марафонская дистанция. Особенно когда сердце допрыгивает до подбородка, и не только от бега, но и от страха. Когда так медленно сокращается расстояние. Когда нет уверенности – туда ли ты бежишь, не прямиком ли к своей смерти?

Со стороны группа беглецов, должно быть, смотрелась комично. Впереди пыхтит коротко стриженный бодрячок, фигурой похожий на завязавшего спортсмена, в кепке с длинным козырьком и камуфляжных штанах, явно подобранных не по размеру. Следом несется молодая девушка в коротеньком невесомом платьице и накинутой на плечи пятнистой куртке; длинные черные волосы развеваются за спиной, обнаженные ноги сверкают на солнце. За ней поспевают лохматая рыжеволосая женщина, тоже в форме, с полощущимся на плече цветастым полотенцем, и худощавый парнишка в драных шортах, грязной футболке, с давно не чесанными космами. Двое замыкающих шествие вооружены автоматами, но тоже ни в малейшей степени не производят впечатления людей военных – высокий костлявый старик в распоротой на груди рубашке, мятых вельветовых брючках и вельветовой же кепке и небритый крепыш, помимо автомата вооруженный еще и трофейным кинжалом в ножнах. Оружие беглецам мешало.

Бегущему в авангарде Михаилу вдобавок досаждали жмущие трофейные ботинки. А еще – пот, одышка и резь в правом боку, прибавившиеся на второй половине дистанции. Его бег утратил стартовую скорость и грациозность.

Не испытывавшая всех этих проблем Татьяна (разве что противоположные – Любкины тапки болтались на ступнях, пришлось остановиться, сдернуть их и бежать босиком) обогнала Михаила и первой добралась до джипа – открытого, с грязно-зелеными бортами, подозрительно напоминающего американский “виллис” времен Второй мировой. Мирно ждущего под брезентовым тентом.

Кормой джип стоял к белой кирпичной стене одноэтажного строения без окон. Значит, с той стороны беглецов не видно. Однако перед носом машины возвышалась группа зданий из того же силикатного кирпича – явно обитаемых. Явно полных людей.

Татьяна остановилась перед машиной, сунула ноги в тапки и вскочила на подножку. Может быть, под тентом было прохладнее, чем на открытом солнце, но она этого не заметила.

Ухватившись ладонью за обшарпанную кромку лобового стекла, девушка перегнулась через дверцу, нависла, разглядывая приборную доску сквозь бахрому упавших на лицо волос. Затем мелькнули ножки, способом “ножницы” переносимые над автомобильным бортом. С пассажирского сиденья, на которое Татьяна опустилась, она без паузы переместилась на соседнее, водительское. Оправив под собой платье, сдвигая с глаз мешающие кудри, утвердив ступни на педалях, взялась за оставленные таки в замке ключи зажигания.

– Уйди... дай... я... – С водительской стороны появился Михаил. С трудом выпихнув из себя три слова, он открыл дверцу и повалился на Татьяну. Если бы она не перепрыгнула обратно на пассажирское сиденье, то была бы придавлена массой своего шефа и любовника. Рессоры истерично взвизгнули.

– Ключи на месте, – сообщила девушка. Встав коленями на коричневую кожу кресла, вытертую бандитскими задницами до лоска, дотянулась и открыла заднюю дверцу – через которую тут же влезли в джип финишировавшие одновременно Любовь Варыгина и Владимир Михношин.

– Е-пэ-рэ-сэ-тэ... – Вовик жадно хватал ртом пропахший кожей и бензином воздух. – В гробу я видел такие скачки...

– А где Леша? Леша где?! – Люба завертелась на тесном сиденье, рукой откидывая с глаз непослушные волосы.

– Вон он, твой ненаглядный, – кивком указала Татьяна на приближающихся морячка и старика.

Алексей слышал за спиной размеренное, правильно поставленное дыхание Борисыча. За четыре шага вдох, за четыре – выдох. “Не иначе, старикан по утрам трусцой бегают...” – подумалось морячку.

От леса, над которым нависали серо-белые зигзаги гор, отделились две фигуры в камуфляже, ступили на кромку огромного поля. Они двигались неторопливо. То ли пока не засекли беглецов, то ли понять не могли, что происходит. В любом случае пока все хорошо.

Алексей бежал не выкладываясь, берег силенки. Ни к чему надрываться. Михаил только что добрался до джипа: пока его заведет, как раз они с Борисычем подспеют...

Водительское кресло обиженно скрипнуло под принятой тяжестью, пакет стоимостью в тысячу баксов полетел под ноги. Михаил, опершись рукой о захватанный чужими ладонями руль, свесился к приборной доске. Трясущейся от напряжения рукой нащупал замок зажигания с торчащим из него ключом. На ключе качался брелок в виде позолоченной статуи Свободы.

– Заметили, козлы! – выдохнул на бегу моряк.

– Вижу, Леша, – откликнулся Борисыч. Приклад автомата, закинутого за спину, при каждом шаге хлопал его по ягодице. – Ну-ка, поднажмем...

И они поднажали.

Двое солдат на кромке поля остановились. Постояли, вглядываясь. Последовала мимолетная оживленная жестикуляция – и вот они уже рвут оружие с плеч.

– Да заводи ж ты! – не выдержал Алексей за десяток метров от машины.

Михаил наконец выпрямился. Оглянулся:

– Ну, чего? Все?

– Заводи давай! – рявкнул Алексей.

Он упал грудью на борт машины, держа автомат за цевье, и оглянулся. Его взгляд скользнул по полю и обратно к дому. Вокруг никого. Пока.

В следующую секунду спокойствие военно-бандитской базы нарушили выстрелы – палила в воздух, подавая сигнал тревоги, парочка на поле.

Борисыч распахнул дверцу со стороны Татьяны, сдавленно проговорил:

– Извольте, Танечка, назад. Так надо.

– И здесь покоя нет, – бросила девушка и тем не менее скользнула между кресел на заднее сиденье, втиснулась между Любой и Вовой. На ее место плюхнулся Борисыч. Джип испуганно качнулся.

Мотор затарахтел, демонстрируя совершенное техническое здоровье и готовность к езде.

– Куда ехать-то? – рявкнул Миша, утирая пот с лица.

– А хрен его знает! – Алексей запрыгнул в джип и бесцеремонно уселся на колени Вовы – больше на заднем сиденье места не было. Похмельный Вова лишний вес стоически стерпел. – Гони отсюда!

Двое на поле, продолжая расстреливать воздух, мелкими неуверенными перебежками продвигались в их сторону.

Мотор, работающий на максимальных оборотах, взревел быком. Миша пробуксовал сцеплением, и колеса бешено завертелись в поисках сцепки с грунтом, колумбийский дерн полетел из-под них, а потом джип, едва не сорвав синхронизаторы, взял старт со второй скорости.

На лихом повороте обогнув угол здания, беглецы обнаружили, что переполох начался нешуточный и без пуль в лицо проскочить вряд ли удастся.

– На пол! – Алексей схватил Татьяну за плечо и силой заставил сползти с сиденья, опуститься на днище. Слез с Вовиных колен и, с трудом удерживая равновесие в безнадежно тесном, мотыляющемся из стороны в сторону джипе, передернул затвор автомата. – Любка, Вовка, живо на пол!

Те просто пригнулись – на пол сползти уже не было никакой возможности.

– Переводи на одиночные, Леша! Экономь! – обернулся Борисыч. И сам передвинул рычажок предохранителя на стрельбу одиночными. – Разберешься с этой игрушкой?

– Не учи отца... – процедил сквозь зубы Леша. Рычажок оставил как было, в положении стрельбы очередями, и крикнул Борисычу в ответ: – Держи спереди и по правому борту. Я – сзади и слева!

Сзади и по бокам опасности не прослеживалось, зато впереди – в полный рост. Здание, за угол которого повернул и вдоль которого почти впритирку гнал Михаил, оканчивалось метров через полтора бетонным крыльцом с навесом. И с этого крыльца сбегали люди в камуфляже, на ходу разворачивая стволы автоматов и карабинов в сторону летящего на них автомобиля. Но пока противник не стрелял, пальба доносилась только со стороны поля. Выскакивающим на крыльцо необходимо было время – разобраться, что к чему и как действовать. А совсем было бы хорошо, если б кто-нибудь из начальства подал команду.

Джип несся прямо на “камуфляжников”. Вдоль здания, опаленного колумбийским солнцем. С заросшим пучками пожухлой травы фундаментом. Михаил резко крутанул руль вправо, не отпуская газ и лишь слегка, чтобы не заблокировать колеса, касаясь тормоза. Но машину занесло, протащило боком, накренило, едва не перевернуло. После чего колеса вновь вцепились в грунт и понесли джип в новом направлении. К начинающемуся слева металлическому полукруглому ангару.

– Правильная тачка, едренить...

Мало кто из пассажиров услышал его слова. От резкого поворота все трое соседей Вовы, сидящего с краю, повалились на него. Плохо закрытая дверца под давлением массы тел распахнулась, и Володя вывалился бы, если бы Люба не ухватила его за футболку, перегнувшись через свернувшуюся калачиком Татьяну.

– Держись, кретин! – рывкнула она.

Джип вильнул еще раз, пассажиров швырнуло в другую сторону. Дверца с хищным кланьем захлопнулась, едва не оттяпав Володе пальцы. Володя шепотом сказал: “Ой, мамочка...”

Алексея, по наитию успевшего в последний миг ухватиться за спинку переднего сиденья, только поэтому не вынесло из машины. Но прицелом собственного автомата по губе он получил и губу рассек. Что-то прокричал, потонувшее в надрывном реве двигателя, что-то короткое, заканчивающееся на “дак”.

Владимира второй лихой вираж бросил между сиденьями, на Татьяну, заставил зарыться лицом в ее, вернее, в ставшую ее куртку цвета хаки.

– Сказали же, держись! – рассерженно оттолкнула его попутчица, инстинктивно пытаясь натянуть куртку на голые колени.

Вовик поднял сияющее лицо. Ноздри его возбужденно раздувались.

– По карманам! Посмотри по карманам! Сигареты, понимаешь? Куртка твоя провоняла табачищем, красавица ты моя! Точняк!

Машину вновь развернуло, и теперь Алексей рухнул на Вову. Вова сдавленно пискнул.

Джип, промчавшись мимо торца ангара, залетел за угол и ушел под защиту металлического сооружения, идущего параллельно зданию с крыльцом. Борисыч что-то громко советовал водителю, даже показывал свободной от автомата рукой, когда ненадолго отпускал

скобу на “торпедо”. Но тут же хватался за нее вновь. Только Татьяна, доведись ей сейчас не быть втиснутой между сиденьями и бросить взгляд на шефа, поняла бы, что не удастся достучаться до Михаила ни Борисычу, ни кому другому. Ни криком, ни хватанием за рукав, ни более радикальными методами. Губы его были плотно сжаты, глаза прищурены, на лицо напозло отрешенно-возбужденное выражение. Это значило, что Михаил ушел в гонку по самую макушку. Прямо как где-нибудь на выборгской трассе. А гонка его пьянила не хуже коньяка с шампанским.

– Смотри, смотри, – заклинал выбравшийся из-под Алексея Вовик и, не в силах более сдерживать себя, хлопывал карманы Таниной куртки.

На такой скорости джип реагировал подскоками на все изъяны вполне ровной с виду почвы. А тут еще Михаил, преодолевший две трети длины ангара, одновременно предупреждающе прокричал: “Держись, братва!” – вывернул руль и надавил на тормоз, полностью блокируя колеса, – короче, совершая то, что называют “полицейским разворотом”.

Теперь ушиб достался Борисычу – хорошо еще нос не расквасил о приклеенную к приборной доске картинку с подмигивающей азиаточкой. Судя по разлохмаченным краям, картинку неоднократно пытались отодрать. Безуспешно.

А джип уже летел в диаметрально противоположную сторону.

– Что ты творишь! – возмутился Алексей. И оглянулся.

На том конце ангара, до которого они так и не добрались, показались знакомые фигуры в камуфляже. И вот уже раздались первые прицельные выстрелы. Но стрельба запоздала – джип снова юркнул за угол, возвращаясь по собственным следам, и помчался к месту старта.

Вовка, невзирая на удары по рукам и бытовые неудобства, с прямо-таки фундаменталистским фанатизмом ощупывал карманы чужой “камуфляжки”.

– Есть!!! – Таким и только таким воплем золотоискатели где-нибудь на Аляске встречали после долгого рытья и множества лишений первые крупинки золотого песка.

Ни болтанка, ни пальба не мешали Вове довершить начатое. Он овладел-таки пачкой и лежавшей вместе с ней в кармане зажигалкой. И незамедлительно закурил, непостижимым образом совладав с тряской.

Первая затычка – и сладострастный стон:

– Балдеж...

Вновь накренился джип, возвращаясь к месту недавней швартовки, по левому борту в двухстах метрах замаячила гауптвахта, а прямо по курсу – те двое, что подняли тревогу. Проворная парочка уже почти пересекла поле, почти добралась до здания. Машина неслась на них. Алексей обернулся – сзади никого. И приготовился стрелять.

Но его опередил Борисыч. Набегающий поток воздуха сорвал кепку с его макушки, волосы, тщательно зачесанные на косой пробор, разметались, и стало бесстыдно видно, что таким манером он пытается стыдливо прикрыть прогрессирующую лысину. Борисыч выставил автомат за лобовое стекло, положил его на зеркальце заднего вида, нажал на спуск. Грохнул одиночный выстрел. Пуля, пущенная приблизительно в нужную сторону, боевиков напугала, но в бегство не обратила. Наоборот. Один растянулся по земле, принимая классическую позу “стрельба в положении лежа”, другой опустился на колени и поднял, целясь, карабин.

Михаил сгорбился над рулем. Алексей вдавил спусковой крючок. Ударил очередь, прошла высоко над головами противника, застучали о борт с внешней стороны раскаленные гильзы. Попасть, когда и тебя, и оружие кидает вверх-вниз и вправо-влево, конечно, можно, но только случайно. Еще одну пулю “для испуга” выпустил Борисыч и тотчас низко прыгнул.

Как оказалось, не зря.

Начавшим стрелять по машине было несложно выцелить такую крупную мишень. И лобовое стекло, приняв на себя очередь, разлетелось вдребезги. На капот и внутрь джипа

полетело крошево. Несколько пуль выбили звон из металла, срекошетив от радиатора. Вдребезги разлетелось и зеркало заднего вида со стороны водителя.

– Ну, суки, я вас сделаю! – Не отворачивая ни на градус от выбранного курса и не отпуская педаль газа, Михаил плавно выжал сцепление (двигатель протестующе взвыл на повышенных оборотах) и со второй скорости переключился на третью. Джип, выдавая максимально возможную на этой дороге и на этой дистанции скорость, бросился на боевиков.

Сухой автоматный треск, ничуть не похожий на киношный, заглушал рев мотора, барабанил по макушке, ввинчивался в уши. В сиянии дня мечущееся на срезе ствола яростное пламя почти не было видно; пороховые газы сносило набегающим потоком воздуха и сизым шлейфом тянуло следом за джипом. Алексей безостановочно давил на курок, высунувшись из машины и рискуя вывалиться. И еще рискуя жизнью Миши-водителя, о чем даже не думал. Дернись ствол вправо по чуть большей амплитуде, не удержи его Алексей в безопасном секторе – под пулями оказались бы затылок и спина Михаила.

Автомат вдруг замолк: нещадно опустошаемый магазин иссяк. Ни один выстрел цели не достиг. Свинцовые снарядики разлетелись кто куда по всему полю. Алексей откинулся на лихорадочно докуривающего сигаретку Вовика, рука метнулась к подсумку с запасным рожком.

Татьяна сидела на подножном коврикe, упершись голыми ногами в железный ящик под водительским креслом, спиной вдавившись в заднее сиденье. И молилась. Впервые в жизни. Если можно было назвать молитвой бессвязное бормотание, мешанину из “спаси”, “помилуй”, “Господи”, “мама”, междометий и всхлипов. Она не вслушивалась в то, что говорит, а произносила то, что выбрасывали на язык страх, желание жить и подернутое туманом сознание. Она не очень понимала – сон ли, явь ли, с нею ли это происходит.

Один из камуфляжной парочки не выдержал и побежал к скоплению приземистых, крытых жестью зданий на краю поля. Джип летел на второго, продолжавшего лежать и стрелять.

“Откатиться хочешь, гад? Я тебя урою, козел. Понтовщик, блин...” – шептал Михаил. Лежащего боевика заслонил капот машины.

Боевик, побежавший с пути тяжелой машины по направлению к базе, остановился, видя, что громада на колесах проскочила мимо. И вскинул карабин.

Одновременно с ним, развернувшись в его сторону всем телом, подняв автомат на уровень глаз, надавил на спусковой крючок жилистый старик с переднего сиденья джипа, переведший свое оружие на стрельбу очередями. Изрыгающее пули автоматное дуло вычерчивало, направляемое крепкими жилистыми руками, зигзаги, словно рисовало в воздухе замысловатый иероглиф.

Так и не сработавший в последний раз карабин колумбийца упал на землю. Упал вместе с боевиком, грудь которого вспороли автоматные пули.

– А помнят руки-то! – не без самодовольства крикнул Борисыч, плюхаясь обратно на сиденье, опуская автомат, поспешно хватаясь за скобу и дверную ручку и чуть оборотившись в сторону Алексея, но, в общем, не надеясь, что его услышат.

Его и не услышали. Леша возился с запасным рожком – тот никак не желал вставать на место выщелкнутого. В этот миг машину так потрянуло, что Алексей влетел головой в сиденье впереди и рожок выронил.

Джип не перевернулся. Хотя мог. Как только лежащий боец в “камуфляже” скрылся из поля зрения, Михаил ударил по тормозам. Живое пятнистое тело мелькнуло где-то слева – Миша ждал этого и готовился. Он повис на руле, выворачивая его влево и втапливая до упора педаль газа. Взвыл мотор. Машину опять занесло. Михаил бросил джип на оказавшегося прямо перед колесами боевика.

Второй раз колумбийский парень – Борисыч успел заметить молодое лицо с бородой а-ля юный Фидель – увернуться не смог.

Толчок.

Людей в машине подбросило. Сквозь рев мотора пробился жуткий, нутряной крик.

– Аста ла виста, бэби, – пробормотал под нос Михаил, не снимая ногу с педали газа. А впереди наградой за все испытания маячил лес. – Эх, тормознуться бы, пушку забрать...

Сверху на него упал Алексей, бросивший пока к чертовой матери и рожок, и автомат. Он сжал плечи Михаила и заорал в самое ухо:

– Через поле к той дороге, слышишь?! По которой нас сюда! Везли! Понял, ты? Расстреляют к хренам! Разворачивайся, твою мать!..

– Сеньор!

Дон Мигель оторвал взгляд от спортивных колонок “Колумбия репортс”, перевел его на пилота, просунувшего голову в дверь, что вела из кабины в салон.

– Сеньор, внизу что-то странное. Посмотрите сами, сеньор. Я не знаю, садиться или нет.

“Проклятье...” Дурное предчувствие не обмануло. Дон Мигель отбросил газету, встал, прошел вдоль салона, хватаясь за спинки, полки, ручки, и опустился в соседнее с пилотом кресло.

– Захожу снова! – доложил пилот. Излишне громко из-за надетых наушников.

Дон Мигель кивнул.

Небо, лес и горы покачнулись – самолет совершал разворот. Показалось похожее на вырезанный гигантскими ножницами в зеленом лесном полотне прямоугольник хозяйство Диего Марсиа. Уже были видны антенна, приемная вышка, крыша самого высокого строения – двухэтажного коттеджа, где жил Диего и располагались гостевые комнаты и аппаратная. Различались крыши и других зданий. Самолет сбросил высоту – и на короткое время база пропала из виду, словно вновь втянулась в лесной провал. Торчала только верхушка трубчатой вышки с “рогами” и “ушами” антенн на фоне серых равнодушных гор со снежными шапками. Лес стал ближе, и в сплошной, однообразной ранее зелени сделалось возможным разглядеть отдельные кроны, коричневые жилы ветвей. Вышка сдвинулась вправо – машина разворачивалась, чтобы пройти над летным полем базы. Впереди и не так далеко сливалась с горизонтом дымчато-серая полоса океана.

Лес внизу оборвался. Серо-желтым скоплением замелькали сбоку строения. Под самолетом развернулся знакомый бледно-зеленый ковер аэродрома местного масштаба.

По диагонали, а не по периметру, где была проложена дорога, аэродром пересекал армейский джип – из-за скорости самолета трудно было оценить, насколько быстро. В джипе – люди, одними своими костюмами вызывающие ощущение какой-то неправильности. Не привычная военная униформа, а гражданский цветовой разнбой.

Дон Мигель поворачивал голову, цепляясь взглядом за картинку базы, которая вот-вот пропадет из виду. Что еще? Так, два человека, распластавшиеся на траве. Между зданиями мечутся люди Диего. Впечатление: на улицу высыпали все его люди. Суть их перемещений не понять. Либо бегут на поле, либо убегают с него. Последнее, что захватил взгляд, – из гаража выползает грузовик. Вокруг него фигурки в зеленом.

Всё, они опять над лесом. Жестом дон Мигель приказал пилоту повторить заход. Самолет пошел на третий круг.

Босс нагнулся к пилоту. Пилот, чтобы лучше слышать, сдвинул с уха наушник.

– Запроси базу.

Тот кивнул, поправил гарнитуру, щелкнул тумблером, его губы стали вбрасывать в микрофон позывные: “„Акрил“, „Акрил“...” Сразу не ответили. Дон Мигель вздохнул: значит,

ответят нескоро. Переполох согнал всех со своих мест. Его так рано не ждали, он не предупредил о досрочном вылете.

Да, собственно говоря, и не нужен ему этот радиоответ.

Самолет завершал новый круг, готовясь замкнуть его над летным полем базы.

Снова тот же обрыв лесного массива, и опять выскакивает беззвучная картинка: поле, дома, джип. А машина с беглецами (именно с беглецами, у дон Мигеля не осталось на этот счет сомнений: оценка увиденного, наложенная на предчувствие) уже добралась до угла поля, вот уже выезжает на дорогу, ведущую к берегу, сейчас скроется под деревьями. От базы вдогонку джипу мчится, подскакивая на ходу и грозя вот-вот перевернуться, грузовик с людьми Диего. Не через поле, конечно, а по объездной дороге. Почему так поздно? И где, дьяволова жизнь, второй джип?!

Самолет опять ушел от базы. Дон Мигель повернулся к пилоту – тот выжидающе смотрел на хозяина. Мигель Испартеро ладонью с плотно сложенными пальцами изобразил плавное движение вниз.

Пилот кивнул. Садимся.

По лобовому стеклу наотмашь хлестнула низко повисшая ветка неизвестного дерева – с крупными лапчатыми листьями, со свечками бледно-желтых соцветий. Кадрами ускоренной киносъемки по лицам беглецов замелькали тени; джип ворвался в лес, распугивая лесных обитателей грохотом и вонью перегретого металла. Яркое небо решетчато загородили кроны деревьев. Все звуки остались позади, теперь только надрывный рокот мотора сопровождал беглецов, петлял среди толстых мшистых стволов и тряс ветви диких кустов вдоль дороги.

“Дорога” – это, конечно, сильно сказано, скорее уж – две извилистые колеи с редкими пучками травы между ними, сплошь колдобины, лужи и выбоины, болотистый лес с обеих сторон сжимает узкую стезю, тянет к ездокам корявые разлапистые ветви, сует под колеса неожиданно вылезшие из земли корни...

Протрясаясь километр на максимально возможной для такой дороги скорости, Михаил резко съехал на обочину, заглушил мотор и, сорвав с макушки зеленую кепку, несколько раз остервенело стегнул ею руль. Потом обернулся к соотечественникам, открыл рот... и ничего не сказал. Не смог. В его широко распахнутых светлых глазах по-прежнему плясали черти, лицо блестело от пота.

Тишина навалилась на них, как гигантское пуховое одеяло. Аж в ушах зазвенело.

Пассажиры на заднем сиденье заворочались, выбираясь из кучи-малы. Борисыч опустил автомат между ног и с силой потер ладонью лоб.

– Неужели ушли? – неизвестно у кого поинтересовался Алексей, обернувшись назад.

Вова с вытаращенными глазами на зеленом лице перегнулся через борт и издал характерный звук. Но опорожнить желудок не получилось, потому как было нечем.

– Щас тебе – “ушли”, – прохрипел Михаил, снова водрузил кепку на голову и зло отхаркнул за борт джипа. – Вот же хрень какая! Что у них, одна-единственная тачка в гараже, что ли?

– Там самолет был, самолет, вы видели? – подала голос Люба. Голос у нее был тихим и бесцветным.

– Верно, жужжало что-то такое в небе, – согласился Алексей. Никого за кормой не углядел и снова повернулся вперед.

Вова попытался вторично, едва не выворачиваясь наизнанку, но опять безрезультатно. Тогда он измученно откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза.

– Растрясло, болезного, – вздохнул Борисыч. Непонятно было, серьезно он говорит или издевается.

– Да, пожрать бы не мешало, – согласился Алексей, подобрал с пола магазин, вставил в автомат. Передернул затвор. – Ну, партизаны, ваши предложения? – Клацанье затвора получилось неприятно громким. – Все живы? Никого не зацепило? Тань, ты чего там? Вылезай. Кино закончилось.

Из-под сиденья выбралась Татьяна, сердито ткнула в бок Вовика, сгоняя с места, обалдело фыркнула и огляделась.

– До сих пор перед глазами все прыгает... – Глупо хихикнула: – Ниче денек выдался, а?..

Вовик нехотя подвинулся, не поднимая век, вжался в угол. И вдруг оглушительно икнул. Прижал ладонь ко рту.

– Неплохо водишь, – похвалил водителя Борисыч. – В “Формуле один” участвовал?

– Участвовал, – криво усмехнулся Михаил. – Лет десять назад. Под Зеленогорском. С кавказцами в догонялки играли. Я на “чероки”, а они на двух “лэндроверах”, с “калашами” и “мухами”. Беспредел, в общем, полный... – Он перегнулся через спинку и требовательно протянул к Вове руку: – Эй, ботаник, как там тебя... Вован, курево давай сюда. – Черти в его глазах выстроились боевым порядком.

– Чего давай? – Вова с трудом разлепил глаза. И еще раз икнул.

– Сигареты гони, чего-чего! – повысил голос Михаил и нетерпеливо пошевелил толстыми пальцами.

Володя безропотно протянул мятую пачку “Кэмела” и зажигалку. Михаил нехорошо посмотрел в глаза Вове (Вова отвел взгляд), буркнул: “Вояка, твою маму...”, прикурил, нервно выпустил длинную струю дыма, запрокинув голову к небу, перекинул сигарету в уголок рта. Протянул пачку сначала Борисычу, потом и остальным. Черти в его глазах устроились на кратковременный привал.

От сигарет все молча отказались. Михаил бросил пачку с зажигалкой на приборный щиток и побарабанил пальцами по рулю. Спокойствие его оказалось напускным: пальцы сильно дрожали.

– Ребят, – Вова помассировал виски, – ну пожалуйста, ну объясните наконец, какого хрена тут... ик...

– Отходняк, – глядя на него, как нарколог на бомжа, констатировала Люба. – Или это на нервной почве? – И неожиданно задрожала всем телом, уткнулась лицом в Лехин бок. – Что ж это делается, а, ребята?..

Внешняя безмятежность ничего не значащего трепа была нарушена. У Татьяны затряслись губы, она испуганно прикрыла их тыльной стороной руки; на глазах выступили слезы.

– Так, ладно! – жестко сказал Миша, не давая панике распространиться и на него. Завел мотор, выжал сцепление и со скрежетом врубил первую передачу. – Двинулись дальше, по ходу дела кумекать будем. Леха, паси тылы.

Джип вырулил на середину тропы и рванул вперед. Пассажиров вдавило в спинки. Миша переключился на вторую, затем на третью скорость. Ветер засвистел в расколотом лобовом стекле. Позади не переставая икал Володя. Алексей развернулся по ходу движения и замер в позе Анки-пулеметчицы, положив цевье автомата на черную бугристую резину запаски, привешенной снаружи к заднему борту джипа. Деревья и кусты по сторонам дороги опять слились в сплошную коричнево-зеленую маскировочную сетку.

– Хреново будет, если дорога тут только одна... – Борисыч деловито поднял свой автомат, зачем-то выщелкнул рожок, посмотрел на верхний патрон и вставил магазин обратно. Глубоко вздохнул, потер левую сторону груди. – Вот черт, а здоровьишко-то уже не то. Сердечко-то бастует...

Он отыскал на полу сорванную ветром кепку, смял и сунул в карман.

– Пока фора у нас есть, – не очень уверенно ответил Михаил, выплюнув окурочек. – А джип, бляха-муха, – тачка реальная, верняк. На грузовике так быстро не нагонят.

– Ага. Выедем к морю, и там, на бережку, нас тепленькими и возьмут. Еще вертолеты поднимут... Самолет, опять же. – Ветер трепал его седые редкие волосы. Прочие пассажиры молчали. – В грузовике нас везли где-то минут сорок, да?

– Типа того, – кивнул Михаил. – Так что берег километров через десять нарисуеться... Есть идеи?

– Пока нема, звиняйте, хлопцы, – сказал Борисыч. – Алексей... Леха, блин, да оставь ты свою берданку в покое! Противника в пределах прямой видимости нет. Посмотри лучше, что у нас там в багажнике интересного имеется.

Морячок нехотя передал автомат Татьяне и перегнулся через спинку.

Задний борт не вплотную примыкал к сиденьям – между ними имелся зазор сантиметров в сорок, образующий нечто сродни ящику. Алексей откинул свернутую в рулон маскировочную сетку и принялся перечислять:

– Так. Домкрат – одна штука... автомобильный фонарь... электронасос... лопата типа туристической... бухта металлического тро... Ах ты, ё!..

Левым передним колесом джип провалился в глубокую лужу, коварно замаскированную пленкой ряски, и седоков кинуло вперед. Алексей спиной вцепился в водительское кресло, скрежетнул зубами. Мотор взвыл на повышенных оборотах, в сторону полетели комья грязи. Качнувшись на рессорах, машина с трудом выбралась на ровный участок.

– Шумахер хренов, – проворчал моряк. – Борисыч, больше ни фиги там нет. Ни гранатометов, ни ракетных установок.

– С дороги надо уходить, пока совсем не увязли, вот что, – сказал старик. – Огородами. Все, что под рукой, с собой берем, машину бросаем, и – в лес. Тут такие джунгли, что год можно искать. – Он открыл “бардачок” и выгреб на колени его содержимое: драную промасленную ветошь, несколько грязных гаечных ключей, отвертку...

– А также год можно плутать, – сказала сзади Люба.

– Во-во, – добавила Татьяна. – А я, между прочим, в сандаликах нашей очаровательной Любаши, и они мне, между прочим, велики.

– Тридцать седьмой ношу, между прочим, – не замедлила с ответом сидящая рядом Любаша. – А ты что, в “Детском мире” обувку покупаешь?

– Ну-ка цыц! – повернулся к ним Леша. – Девочки, не ссорьтесь. Люба права, в лес нам соваться нельзя. Карты нет, колумбийских джунглей никто не знает... Ведь никто не знает? Никто не знал.

Борисыч включил найденный в “бардачке” цилиндрический карманный фонарик. Фонарик работал. Старик хозяйственно сунул его в левый карман рубашки – правый уже оттопыривали перекочевавшие к Борисычу гаечные ключи и отвертка. Потом снова запустил руку во внутренности “бардачка”. Как акуле в пасть.

– Ох, е-мое... – Вова наконец перестал икать и теперь озирался по сторонам, будто лишь сейчас понял, что едет не по Большой Тверской. – Мужики, так это что, действительно Колумбия? – В голосе сквозило такое страдание, что казалось, он вот-вот заплачет.

– Колумбия, Колумбия, успокойся, – устало проговорила Татьяна. – Только не спрашивай, как мы тут оказались.

– Вы прекратите му-му трахать, а?! – в сердцах гаркнул Михаил. – Думать надо, что дальше делать! В лес нельзя, на берег нельзя! По воздуху, что ли, дальше драпать?!

– Ох, е-мое... Е-мое!..

Борисыч в это время листал потрепанную записную книжку, также обнаруженную в “бардачке”. На страницах только имена и телефоны. Имена, судя по окончаниям, сплошь женские. Решив, что не пригодится, он выкинул ее придорожные кусты.

– Я знаю место, где нас точно не ждут, – задумчиво сказал Алексей. – И где полно оружия. И откуда, возможно, удастся связаться с властями... Ведь нас не правительственные войска захватили, согласны?

– Предлагаешь искать вз-чэ правительственных войск? – хмыкнул Миша.

– Осторожно! – взвизгнула Татьяна.

Михаил крутанул баранку, и джип на полной скорости вписался в поворот, в миллиметре разойдясь с толстым мшистым стволом какого-то дерева, подозрительно напоминающего секвойю. Комья грязи из-под колес очередью прошили придорожные кусты. Водитель выругался.

– Предлагаю вернуться на базу этих педрил, – ответил Алексей. – Они-то думают, что мы улепетываем во все лопатки, и будут прочесывать округу, а мы тем временем...

– Ты это серьезно? – испуганно спросила Люба.

– Толково, но нереально, – возразил Борисыч, вертя в руках выуженный из “бардачка” моток тонкой капроновой веревки. – Как возвращаться? Пешком через лес? Или на машине обратно по дороге – навстречу погоне? Хотя... – Прищурившись, он посмотрел на проносящиеся мимо деревья. – Если джип загнать в заросли, пропустить грузовик...

– Ребята! – вдруг подалась вперед Люба и схватила Мишу за плечо. – Нас же сюда на лодках привезли!..

Тяжело, как неповоротливый жук, старенький “мерседес” перевалил через пригорок, с которого двадцать минут назад спустились беглецы, и вновь углубился в лес. Брезентовые борты царапали низко нависшие ветви, солдат в кузове нещадно швыряло из стороны в сторону. Мотор надрывался в борьбе с неровностями дороги. Не был грузовик приспособлен к погоне по пересеченной местности.

Сержант Лопес на пассажирском сиденье мусолил губами погасший окурок сигары и сумрачно смотрел в лобовое стекло. Он физически ощущал, как песком сквозь пальцы уходит драгоценное время. Но ничего с этим поделать не мог. Приказывать было бессмысленно: шофер делал все возможное, чтобы удержать машину на узкой дороге, не увязнуть, не потерять скорость. Понимал, что сбежавших пленников надо догнать. Любой ценой. Маэстро оплошностей не прощает.

“А побриться я так и не успел...”

– Ничего, сержант, догоним, – позволил себе обращение не по форме шофер, не отрывая напряженного взгляда от дороги. Будто прочитал мысли командира. Официально он тоже был сержантом, однако устав уставом, а в реальной жизни армия диктует свои собственные правила, поэтому Лопес в негласной служебной иерархии обитателей базы С-117 занимал положение ступенькой выше. – Деться им некуда. Не в лесу, так на берегу накроем...

– За дорогой смотри, – неоправданно зло оборвал шофера Лопес.

Он и сам понимал, что далеко иностранцы не уйдут, что у безоружных гражданских кишка тонка играть в салочки с отборными бойцами Медельинского Картеля*, а недоволен был по другой причине.

Ведь сегодня он уже проезжал этой дорогой – на этом же грузовике и с той же целью: взять в плен нескольких русских туристов, неизвестно зачем понадобившихся Маэстро. Хотя зачем они понадобились Маэстро, это не его, Лопеса, дело. Взять-то он их взял, а вот этот кретино, Диего Марсиа, их упустил. Так почему теперь он, Лопес, должен опять ловить русских? Делать дважды одну и ту же работу сержант был не приучен. “Против судьбы не попрешь”, – учит катехизис колумбийского солдата. И еще: “Возвращаться – плохая примета”. Не то что бы это настораживало сержанта Лопеса, но злило неимоверно.

Нет, но как лихо русские сдернули из каземата, а? Джип угнали, пальбу учинили, наверняка кого-то походя убили – а ведь Марсиа клялся, что они простые туристы. Врал? Или сам

не знал, что, может быть, это никакие не туристы, а знаменитые русские “морские ежи” – по крайней мере, один из туристов? Иначе зачем тогда он, этот один, понадобился Маэстро? Очень возможно, очень...

Самолет развернулся на том конце поля, куда завело его приземление, и взял курс на коттедж. Напротив коттеджа он остановился, моторы смолкли, тут же распахнулась дверь, на которой красовалась эмблема аэроклуба – золотокрылый кондор, выдвинулся трап.

А по полю уже бежал человек в защитного цвета штанах, заправленных в высокие ботинки на шнуровке, и черной рубашке. Длинные черные волосы бегущего были стянуты на затылке в “конский хвост”, он прижимал рукой бьющую по бедру кобуру. Подоспел к самолету, когда от него двинулась процессия – седоволосый господин в дорогом костюме и по обе стороны от него двое молодцов в свободных куртках. Черноволосый обменялся с седовласым рукопожатием, с ребятами в куртках – кивками.

Все четверо скорым шагом направились к коттеджу. Человек в черной рубашке говорил, сопровождая каждое слово каким-нибудь жестом, показывая то в одну, то в другую сторону, “конский хвост” метался по спине. Седоволосый молча слушал. Не произносил пока ни звука.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.